

Регина Лукашина

В РИМ И ОБРАТНО

Регина Лукашина В Рим и обратно

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42598965
Регина Лукашина. В Рим и обратно: Алетейя; СПб; 2019
ISBN 978-5-907115-60-6*

Аннотация

«В Рим и обратно» – роман-размышление от автора романа «Блеф во спасение». Известный кинорежиссёр Сергей Беспалов – в трудной ситуации: его новый фильм на патриотическую тему вызвал раздражение «элитной тусовки», супруга не стесняется открыто изменять. Покаяться и творить дальше «в тренде», примириться и сохранить «звёздный брак»? Или развестись и гордо уйти из профессии? Чтобы отвлечься и разобраться в себе, по совету друга он решил прибегнуть к услугам агентства, что инкогнито отправляет богатых и знаменитых в эксклюзивные туры в Европу. Причём в сопровождении гида-переводчика и психолога-консультанта в одном лице... Однако, от судьбы не уйдёшь. Три дня вечном городе Риме перевернут жизнь Сергея. Ведь работать под псевдонимом проводником для него там будет Карина Чичерина. Та самая девушка, кого он был вынужден бросить четверть века назад. Узнает ли режиссёр в таинственной незнакомке свою первую любовь? Выполнит ли чичероне свой профессиональный долг, помогая трезво оценить события и построить новые цели, или из мести направит клиента

по гибельному пути? Неразрывная связь российской духовности с суровым благородством древних римлян, необычные прогулки по Вечному городу, поучительные параллели истории и гимн всепобеждающей любви – в новом увлекательном романе-размышлении Регины Лукашиной.

Содержание

Размышления о романе Р. Лукашиной «В Рим и обратно»	6
Глава 1	9
Глава 2	41
Глава 3	73
Глава 4	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Регина Лукашина

В Рим и обратно

© Р. Лукашина, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Размышления о романе Р. Лукашиной «В Рим и обратно»

Быть рецензентом Регины Лукашиной мне посчастливилось второй раз. Да-да, именно посчастливилось. Потому что её проза – это всегда праздник. Интеллектуальный, событийный, эстетический и – обязательно – немного личный. Интригующее (при всей внешней простоте) название, Захваты-вающий сюжет. Прекрасный, кристальный стиль. Позволю себе сразу одну цитату из романа: «Как всё-таки льётся её речь! Никаких “э” и заиканий, словесного мусора вроде повторяющихся “короче, слушай, это самое”» – вот так на протяжении всего романного полотна: никакого словесного мусора!

Как и все, что пишет Р. Лукашина, роман рассчитан на читателя подготовленного. Имена, цитаты (прямые и скрытые), ассоциации и аллюзии, интеллигентский стёб – все это составляет плотную ткань романа «В Рим и обратно». Не хочется перечислять или приводить примеры, чтобы не лишать будущих читателей радости открытий. «В Рим и обратно» – не попса и не чтиво. Это – литература. Которая по определению не должна быть лёгкой.

Роман многослойный. Очень динамичный. В хорошем (пожалуй, классическом смысле этого слова полифонич-

ный). Из субъективного: удивительно цепляют интонационной точностью «московские» главы, когда видишь каждый уголок, каждую улицу, вспоминаешь выбоинки на асфальте на знакомых и привычных местах – понимая при этом, что, конечно, их залатают, заделают и даже закроют плиткой, но вот сейчас, в моменте, они чётко и зримо встают перед глазами. «Мелочи, но складываются в общую картину» – это, правда, уже из «римских» сюжетов, но применимо ко всему роману.

Исторические экскурсы органично вплетены в сюжетный ход. Юлий Цезарь, Николай Второй, Тарквиний Гордый так же естественны в романе, как и его главные герои. Героями романа становятся и места: Ватикан, Измайлово, Капитолийский холм, Устьинский мост... В романе они все живые, дышащие, пронизанные ветрами истории и современности, любви и предательства, полёта мысли и тихим замешательством, стремительностью и выжидательностью.

А развязка... Впрочем, не будем раскрывать все карты. Надеюсь, будущий читатель уже достаточно заинтригован и с нетерпением ждёт возможности открыть первую страницу. В путь! Из Рима – и обязательно обратно. Вас ждёт увлекательнейшее путешествие с Региной Лукашиной и её героями.

Е. В. Дзякович, доктор культурологии, профессор кафедры теории и практики общественных связей РГГУ, профессор кафедры журналистики и связей с общественностью

Глава 1

Старые знакомые, новые печали

Москва. 23 октября, около 21.30. Устьинский мост

...Небо казалось сгустившимся, как чернильная клякса. Сняв ладонью серый снег с перил моста, он вытер им лицо. Веки сразу защипало. Видимо, не попусту говорят, что атмосферные осадки в мегаполисе грязнее тряпки в автосервисе. Рассудок сохранил трезвость и потребовал поскорее умыться. Однако в душе от этого мальчишеского, неправильного поступка стало чуточку свежее. Там, в душе, скопился осадок той атмосферы, в которую он окунулся после выхода на федеральном телеканале своего нового сериала. Казалось бы, всё с натуры срисовано. Честный служака попал в опалу за то, что выступил против начальника, который готов глаза закрыть на ущерб государству, лишь бы не упустить иностранного инвестора. Талантливый репортёр – против главного редактора, кто мнение акционеров ставит выше фактов. А ещё молодая актриса нехстати и вслух припомнила, в какой круг ада нарисованного им в великой «Божественной комедии», Данте отправил предателей... И пожилая дама, что с горькой иронией вслед отъезжающему мерседесу крикнула про тридцать сребреников. Любовь, отчаяние, безысходность, надежда. Нас можно сбить с ног, но невозможно по-

ставить на колени. Лучше песок на зубах, чем иней на яйцах. Поэтому мы в который раз встаём, идём вперёд и побеждаем и врага, и подлость. Вот такое кино.

Ему рассказывали, что рейтинг у сериала был огромным – от Анадыря до Серпухова телезрители выбирали именно то, что он снял. В ленту, в которую без патетических натяжек он вложил всю свою творческую силу и душу. Но на его «Горе от ума» двадцать первого века сразу, яростно и едко отозвались те, кого он до сих пор считал своими коллегами и товарищами по цеху. В социальных сетях лощёные светские дамы стали называть его *зарвавшимся плебеем*, кто не смеет поднимать голос на их безупречный статус. Сериал и его сценарий в их репликах характеризовался не иначе, как узнаваемыми под смайликами на месте пары букв матерными словами. Вроде «х@@ня собачья». На фуршете в честь открытия выставки Густава Климта в Музее частных коллекций с ним даже если и здоровались, то на расстоянии натянутой улыбки, но никак не за руку. И сдержанный смех сокурсника: «В каком ты звании, Серёжа?.. Не знал, не знал, надо же». «Да нет, мы должны быть ему благодарны... Предупредил вовремя, что началась охота на ведьм». И смех. Колючий, как снег в октябре.

Он снова снял перчатку и зачерпнул свежую порцию московского льда с ограды Устьинского моста. Пусть, пусть это грязь. Зато освежает. Там, на презентации рисунков венского художника, было куда холоднее. Стужа и стылая сырость

буквально обжигали лицо. А «Поцелуй» из коллекции музея «Альбертина», золотого периода мастера, так и не привезли. Зря ходил. Или не зря? Не зря. Потому, что задал себе вопрос – жалеет ли о том, что сделал? Важнее быть обласканным живыми экспонатами московского бомонда или делать то, что хочешь? Паноптикум натянутых косметологами улыбок, живущий по хронометрам ценой в бюджет Нечерноземья. В чём заключается истинная свобода художника – следовать социальному заказу или, как шеф-повар в дорогом ресторане, на блюде с поклоном подавать элите то, за что она тебя востребовала? В конечном итоге эту пачку дилемм можно было бы свести и к каноническому вопросу – любить ли себя в искусстве или искусство в себе... И для кого творить.

Эти вопросы пришли в голову чуть позже, когда он, бросив сигарету в урну у входа в галерею, понял, что ему необходимо побыть одному. Чтобы понять – хватит ли сил, гордости и самоуважения остаться одному, если это с ним случится. Но пока от ледяного холода московского октября ему было очень не по себе. Кто им, кто обдаёт его ледяной сыростью, дал право себя называть избранными? Кто их избирал, кто им делегировал полномочия определять эталоны хорошего вкуса, коль скоро там принято восхищаться примитивными эскападами, лишь бы шли в разрез с укоренившимися в веках представлениями о достоинстве и красоте? Кто они такие вообще, откуда появилась эта высокоинтеллектуаль-

ная публика, узурпировавшая право судить и присуждать? Может быть, они просто самозванцы, заполнившие в удобный момент вакуум духовности пеной своего самомнения?

Если бы хоть кто-то ответил на эти его мысли согласием, наверное, с души свалился бы измазанный уличной грязью огромный серый камень. В Большом Харитоньевском переулке, где он жил со школьных лет, и где во дворе познакомился со своим единственным другом, прошлым летом шёл ремонт газового путепровода. Докопавшись до культурного слоя середины восемнадцатого века, рабочие с полутораметровой глубины стали доставать куски розового карельского гранита, служившего когда-то мостовой. Сергей под покровом ночи унёс и положил на лестничную площадку несколько здоровенных булыжников. А потом понял – просто так нельзя оставлять добычу лежать на ступеньках. Эта историческая память пахивает тем, что из-под хвостов роняли на неё лошади... В ванной, направив струю горячей воды, он отмывал городскую историю от естественной грязи, чтобы осталось самое важное – красота и плоды труда человеческого. Может быть, и сейчас надо поступить как-то примерно так же? Очистить душу, отмыть.

Марево мокрого снега колыхалось, словно кулиса, подчиняясь тихой беззвучной мелодии ветра. За мостом-скрепкой, навешенном одновременно с парком «Зарядье», алели кремлёвские звёзды и золото куполов соборов. По двум набережным, подняв воротник кашемирового пальто, он добрёл сю-

да, не узнанный никем, поднялся к тому самому месту, где когда-то назначил свидание своей первой любви. Она так и не стала его женой. Стала другая... Обаятельная, чуть истеричная. Сумевшая стать светской львицей. Но за все годы совместной жизни так и не ставшая ему близким человеком. Сегодня, после этой сволочной выставки он посадил её в такси, успев услышать, что она назвала адрес на западной окраине города. Понимала ли дорогая супруга, что происходит нечто необычное и тревожное? В наивной слепоте её трудно было бы заподозрить. Догадывалась ли, что ему просто может понадобиться совет, моральная поддержка? Безусловно. Спокойно, даже с лёгкой иронией она спросила, нужна ли она ему сегодня. Октябрь в светло-карих глазах. И незамысловатое враньё про посиделки у подруги. В этот раз её вероломству он даже не удивился. Адрес, названный таксисту, часто мелькал в светских хрониках: закрытый клуб, принадлежащий его беспощадному сокурснику. Соперничество в творчестве и в личном пространстве давно бы вылезло на радость прессе скандалом или мордобоем, если бы он захотел порадовать богему этой клоунадой. Но ему было всё равно. Дуэли давно исчезли. А ради той, что давеча села в такси, рука даже к зубочистке не тянулась. А главное, он не хотел поступать как все. Как *у них* принято. С закатыванием глаз и сочинением мелодрам о поруганной любви. Надо тихо развестись. И всё.

Значит, дома его никто не ждёт. Что принято делать в та-

ких случаях?

... Если я заболею, я к врачам обращаться не стану. Обращусь я к друзьям. Не считите, что это в бреду...

Как только студенты в конце двадцатого века ни переделывали слова песни Юрия Визбора! Больше всего советов было на счёт коньяка. Меньше – рецептов использования тройного одеколона, кокаина и весёлых сестричек в белых халатиках. Плавали, знаем. Ещё Атос у великого Александра Дюма-отца доказал теорему: алкоголь лишь усиливает то состояние, в котором ты находишься. Весел – впадёшь в буйство, грустен – утонешь в тоске. А дорогие порошки... Чем обращение к ним неизменно заканчивается для творческих людей – давно известно.

Надо сменить обстановку. Но куда уехать, с кем?..

С диким воем в направлении Садовнической набережной пронеслась скорая помощь. Снег перестал, фиолетовые сумерки уступили место черноте ночи в обрывках разноцветной мишуры. Москва ворочалась, мучаясь грёзами в нервной бессоннице. Стоя на остывшем мосту, он почувствовал, что долго в этом состоянии оставаться просто опасно: пальцы ног стали неметь... В два клика вызвать такси – дело нехитрое. Но смартфон едва не выскользнул из окоченевших пальцев. О, да тут ещё пропущенный вызов. Всего один!.. Зато бесценный. От коллеги и друга режиссёра Олега Бон-

даря, знаменитого уже собственными заслугами не меньше, чем всемирной славой матери-актрисы, народной артистки бывшего СССР. Один звонок от друга юности! А раньше все, кому ни попадя, великие и малые, названивали с утра до ночи.

– Олег, да, прости... Да просто шумно, не слышал. На улице я. Услуга? А, да, помню, спасибо... Скинь мне ссылку, пожалуйста. Ага, до связи.

Два дня назад в Доме творчества кино он встретил Олега, когда тот заканчивал давать интервью известной телеведущей. Слово за слово, втроём отправились выпить кофе. Погода, природа, курорты, сплетни, политика? В отличие от прочих экранных кукол, девушка оказалась умна и эрудирована. И сразу поймала мяч темы «сменить картинку, проветриться, подумать о вечном». Рассказала о своём бывшем однокласснике, выпускнике МГИМО, кого мало угораздило стать топ-менеджером отечественного энергетического холдинга, так и ещё и впасть в депрессию от культуры своей новой касты. От «изысканности» директорских диалогов после совещаний про запасы мазутов, от их бахвальства расписываемыми в подсолнухи стенами особняков и обязательной эстетики малахитовых унитазов... Парень взвыл и начал поиски лекарства для нервов и уязвлённого воспитания. И нашёл-таки!.. Труднейшую задачу обеспечения бегства от самого себя, оказывается, решает некая фирма. Каждому, кто туда обратится, она подбирает маршрут и сопровождающего.

Дипломированного дипломата, угоревшего от газов газозви-
ков, они отправили в Кению смотреть, как крокодилы хвата-
ют антилоп-гну и зебр во время миграции через реку Мара.
Сама речушка узенькая, не более двадцати метров, но бере-
га крутые, так что несчастные травоядные в давке отрыва-
ют себе копыта... Тут жуткие твари с ороговевшими хвоста-
ми сшибают раненых и утаскивают на дно. Как бы ни было
жестoko это зрелище, турист внезапно присмирел, перестал
себя жалеть и стал задумчив. Сопровождающий, професси-
ональный фотограф из Чехии, дал ему на память несколько
самых впечатляющих снимков. А о чём они, клиент и гид,
говорили при свете костра в ночной саванне под близкий вой
гиен, так и останется коммерческим секретом фирмы.

– Это работает, – усмехнулась журналистка, – я его просто
не узнала. Перестал обращать внимание на условности, ведёт
себя увереннее. Строит этих грубиянов просто двумя окри-
ками, дело наладил. О депрессии думать забыл. Загорел, об-
ветрился. Во всех смыслах слова. Вылечился. Эта фирма для
каждого клиента индивидуально подбирает маршрут и шер-
па.

– Постой, – заметил Олег, – шерп это же проводник на
Эвересте?

– У каждого – свой Эверест, – ответила девушка. – И шер-
пы разные. Кому нравится арбуз, кому – свиной хрящик. Так
господин Паратов говорил в «Бесприданнице». Так кому-то
охотник на львов может мозги вправить, а кому-то, скажем,

филолог, специалист по Бунину. Кому Париж, кому Ямал. Условия полной анонимности. Клиент может полностью довериться своему шерпу – тот даёт подписку о неразглашении. Интим исключён договором.

– А если вдруг искра проскочит?... Там дамы тоже работают?

– На счёт искр не знаю, ленинская газета пламя разожгла... Но для эскорта в баню есть модельные агентства, правильно? Для гробокопателей в собственной душе и параноиков подойдут дорогушие психоаналитики и трёп в мягком кресле. А тут – другой уровень. Человек иной раз остро нуждается в том, чтобы просто выговориться. С тем, кого видит первый и последний раз в жизни, это проще. А если слушатель ещё и гид, переводчик, друг-товарищ в одном флаконе? В сопровождающих там, как мой одноклассник выяснил, историки, медики, даже философы попадаются. Образовательный ценз для тех, кто поступает на работу в фирму, – очень высокий... – журналистка вдруг забеспокоилась, ойкнула, глянув на экран смартфона, где светилась, бегая по кругу, стрелка аналоговых часов. – Олег, мне правда, надо идти... Ещё монтировать нашу беседу. Ту, не эту.

– Телефончик скинешь на всякий случай? – режиссёр улыбнулся, в знак уважения к даме вставая, чтобы её проводить.

– Так у вас же есть!.. Шучу. Фирмы? Спрошу у одноклассника и скину.

Журналистка приветливо кивнула, подхватила со спинки кресла плащ и застучала шпильками по мрамору, направляясь к выходу, где её дожидался начинающий хмуриться телеоператор.

– Может быть это то, что тебе сейчас надо, а? – откинувшись в омут топкого кресла, спросил Бондарь, когда за ней повернулась стеклянная дверь. – Всякое бывает, старик. Нервы. Я б тоже попробовал, Серёг... Наверное.

Он запомнил выражение лица своего единственного друга, с кем давно оказался в одной профессии. Сочувствие? Нет, что-то ещё. Ободрение и одобрение. И совсем чуточку восхищения. Видно, сериал, правда, выстрелил.

А потом они заговорили про новую ленту, уже не его творение, а иное, тоже вызвавшее пену эмоций от депутатов нижней палаты парламента до любителей искать происки нечистой силы даже в сломанном чайнике. Тема была у всех на устах, поэтому обойти давешнюю премьеру было невозможно. От единственного друга он не стал скрывать, что ожидал большего:

– Знаешь, ничто не резануло, сидел как дома в тапочках. Даже не знаю, что меня больше раздражало: хрип нашего классика с его ископаемой астмой в ухо или две девицы, что в зал закрытого просмотра принесли закуску...

– А не мы ли сами приучили юную публику к американским тапочкам? Хлопать колой, чавкать попкорном. Выражать свою свободу. Отучай теперь, поди попробуй... А по

содержанию? – настаивал Олег.

– Какое содержание, старый?.. Банальная костюмная мыло драма о банальной страстишке. Атмосфера передана эффектно, а достоверности кот наплакал. Все друг за другом бегают как берендеи на Ивана Купалу. Царь, царица, царевич, сапожник, портной... Мы что, во всём Голливуд догнать и перегнать хотим, даже в глупости? Лишь бы зритель охал и сопли утирал. Хотя читали Гомера и точно знаем, что на земле Илиона первым оказался щит Одиссея, а не Бред Питт¹...

– Не-ет, – тот расплылся в своей фирменной дерзкой усмешке, какую публика запомнила по сцене в фильме про героев-десантников, – не упрощай. Вопрос в другом, и он поставлен жёстко. Имеет ли право посредственность, не самостоятельная в принятии решений, владеть судьбами и умами целой страны? Вот что в подстрочнике. Мне кажется.

– Если в кармане было вызвать в год столетия революции призраки мракобесия, черносотенцев и Савонаролу с Гапоном – замысел удался. Не может фантазия на альковную тему быть посылом для дискуссии о главном событии двадцатого века. Четыре империи рухнули. А мы из всего клубка

¹ В Илиаде Гомера сказано, что на землю Трои было наложено заклятье – кто первым коснётся её ногой с мечом в руке, скоро погибнет. Поэтому ахейцы долго колебались, кому прыгать первым, уже когда носы их кораблей врылись в песок берега. Тогда хитрый Одиссей бросил свой щит, и спрыгнул на него, таким образом «обманув» судьбу. Вслед за ним на берег выскочил Аякс, который фактически стал первым, и он вскоре был убит. В голливудской трактовке корабль мирмидонцев первым достиг троянского берега, а на землю спрыгнул Ахиллес, стремясь доказать – он с его малым отрядом могут завоевать всё царство.

исторических противоречий бабские подштанники вынули и трясём, будто в них всё дело. Кому нужен скандал вместо анализа, вместо покаяния, а? Что в творческой среде, что в обществе. Да и политикам от этого навара нет.

Он сам не знал, что в этот момент, разрывая привычную сдержанность публичного человека, отразилось на его лице. Но друг умолк. Потом сказал: – Смени обстановку, слушай... Отдохнуть тебе надо от всего, отвлекься, провалиться в кроличью нору! Тебе везде смыслы мерещатся. Прочисть мозги, расслабься, закадри бабёнку симпатичную. Желательно умную, банальная сексуальная трясушка тебя не встряхнёт. В общем, телефон и ссылку на сайт этой фирмы *Follow me* я тебе сейчас скину... По правилам они там рекомендации требуют, но для тебя сделают исключение. Ты же у нас личность прославленная!.. Что засопел? Никакой иронии, так и есть.

...Дрожь пробежала по позвоночнику стадом арктических кузнечиков. Не хватало ещё схватить воспаление лёгких. Ботиночки-то светские, на тонкой подошве... Классика, великая «Ирония судьбы». Да, наверное. Отчаяние и безысходность – признаки налицо. Надежда, что пыль осядет, а сограждане прославят – есть, но она *пока* слабовата. Горечь, что резкое корпоративное непонимание в части элитной творческой тусовки пришло ему ярлык конъюнктурщика, *пока* очень сильна. Разумом он всё понимает: злятся потому, что на воре шапка горит. Но нервы натянуты так, что

переступить через случившееся, как через мелкий досадный эпизод, пока не получается.

Развернувшись на каблуках, он пошёл в сторону Яузского бульвара ускоренным шагом. Никаких такси. Пешком. Для крепкого сна. Чтобы уже завтра на свежую голову – определиться, куда рвануть в короткий отпуск. Уж точно не на Замбези. На драки мартышек он и в Москве насмотрелся.

Москва-сити. 24 октября. 15.45

Блѣклый свет пасмурного дня безуспешно пытался завладеть комнатой на высоком этаже одного из новейших офисных комплексов столицы. Косо, в полуповорот раскрытые жалюзи пропускали ровно столько естественного освещения, чтобы обитатели помещения могли не спотыкаться, переходя от своего стола к соседнему. Разноцветные папки, компьютеры, комната для переговоров за матовым стеклом. От банального инкубатора для клерков отличие одно, зато значимое. Огромная интерактивная карта мира на стене, разделяющей помещение примерно надвое. Дотронувшись до нужной точки и «раздвинув» её пальцами, как на экране смартфона, можно добраться через спутник даже до внутренних периметров крааля скотоводов Родезии.

– Караваджо, Бернини, Пуришкевич²... Том Сойер? За-

² Пуришкевич Владимир Иванович – русский политический деятель начала XX века, придерживался правых консервативных взглядов, черносотенец, лидер Союза русского народа и Союза Михаила архангела.

нятно. А он как, от яркого света в истерику не впадает, вы проверяли? – миловидная женщина с тонкими чертами лица оттолкнулась ногой от тумбы письменного стола и поехала прямо на кресле к маленькой импровизированной кухне.

– Спортсменка, – проследив глазами её маневрирование, одобрительно кивнул мужчина, угощавшийся на кухне лёгким полдником.

А она встала со своего транспортного средства и потрясла перед шефом листом бумаги, представлявшим собой заполненный анкетный лист. Часть теста представляла собой выбор одного варианта из четырёх: ананас или апельсин, Никита Богословский или Анна Ахматова... Будда или?

– Макс, ты сам почитай... Он то ли прикалывался, то ли вообразил себя Серым волком из мультика, – на её лице появилась ироническая улыбка, белокурый конский хвост на затылке забавно качнулся. – Он вообще кто?

– Да нет, в полнолуние шерстью не обрастает. Он известный режиссёр. Типа творческого кризиса. После премьеры его сериала на телике публика из истеблишмента его заклевала, – шеф отхлебнул кофе из кружки. Коржик, засунутый в рот, на некоторое время оттопырил его щёку наподобие флюса. – Хотя умом все понимают, нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Ну, в общем, у него настроение плохое, ему надо в пампасы.

– Не, в пампасы не надо, – встряла другая сотрудница офиса. – Красота спасёт мир в его душе. Отправим его туда,

где император Диоклетиан растил капусту, пока его обратно не позвали править.

Прочитав в досье фамилию режиссёра, шерп подняла брови, глубоко вздохнула, глянула на коллег несколько ошарашенно. Это вызвало только ободряющие улыбки – оно и понятно, его лицо и эта фамилия постоянно мелькали в прессе. Его опекать?.. Слегка покраснела, но взяла себя в руки.

– А я-то зачем ему на капустной грядке? Если честно, огородник из меня никакой. Да и байку про Ахиллеса, что удалился в свой шатёр от обиды, даже Гомер на неделю не смог бы растянуть. Куда уж нам, грешным. Да, он один или... с ночной грелкой?

– Один. Совсем один, – психолог сделала вид, что смахнула слезу. – Я бы с тобой поменялась с удовольствием, но у меня уже есть парный заказ.

– Ну, уж, дудки! – будущий шерп совершила заезд на кресле в обратном направлении. – С сексуальными парочками сама работай. В прошлый раз настоящий полковник с новобрачной через каждые два часа делали привал в отеле. Хорошо хоть проживание было в десяти шагах от станции метро и вокзала *Larissa*, чтоб меньше расстояние было преодолевать... От нестерпимой страсти до её места кульминации. Зачем только им Афины сдались... Крым-то наш ближе. Жёнушка его, надо отдать ей должное, симпатичная, любознательная. Зато он – только сигару в зубы и... В общем, персонаж из «Особенностей национальной охоты». Повела

их в музей Кикладской культуры, так он мозг вынес: покажи мне вазу греческую, где нарисовано, как там оно всё механически у Леды с Зевсом-лебедем на счёт любви сладилось. Благодарю покорном!.. Что смешного?

– Там смыслом поездки была конфиденциальность сто-процентная. Ни к одному туроператору они не могли обратиться за индивидуальным пакетом. А ты не в накладе, между прочим. Читал в твоём отчёте, как ты с его этим... Охранником на балконе на Сицилии поила жуков виски из пробки бутылки.

– Девчонки, дисциплина! – благополучно прожёванный коржик высвободил в начальнике отдела командный потенциал. – Карина, слушай. Везёшь режиссёра в Рим. Просмотри тесты ещё раз... Марк Твен – любимая книга с детства. То есть склонность к приключениям, исследованиям, авантюрная жилка. Стандартный маршрут от Колизея до винных лавок не катит, скучно... Тут надо что-то с букетом неожиданностей. Но без роскоши!

– Это для нефтяников. Им в кайф нарядиться патрициями, щёки надуть и думать, что они приобщились к изысканному виду досуга, – подсказала психолог. – Интеллигенции подавай андеграунд. Квадраты, кубы, зелёное на оранжевом. И языком пощёлкать. Желательно, в подвале. Без этого деньги на ветер, окружению нечего рассказать. А этот парень, как мне представляется, натура цельная, независимая. Просто устал от маски, от фальшивых ролей. Режиссёр? Так втя-

ни его в другую игру. Со средневековыми тайнами, коль скоро Веронезе ему милее Шагала, а Бокаччо цитировать легче, чем Кафку. Вкус классический, склад природы романтический... Мечта, а не клиент! Я так думаю, он даже сам чай себе на английском попросить сообразит.

– Ты давно стала такой высокомерной, Соня? Английскому нынче даже гаишников в Сочи учат. Прогресс добрался до самых дремучих углов.

– Идеи есть? – поинтересовался начальник, целясь на новый коржик.

– Есть, – кивнула шерп. – Мне понадобятся компас и книга Дэна Брауна «Ангелы и демоны». Путь моего отхода по стандартной схеме, в последнюю ночь перед отъездом номер в отеле «Siracusa» около вокзала Termini. Вояж на десять дней?.. Куратору предусмотреть выезд к морю и на виллу Tivoli. Под все накладные расходы депозит на карту master. Как на этот раз меня зовут?

– На этот раз тебя зовут Маша, – чуть виновато сказал начальник, – он из творческой среды, Карину Чичерину, бывшую журналистку, вычислит моментально, ведь у режиссёров отличная память на лица и имена. Мы ему были вынуждены сказать, что ты закончила философский факультет МГУ.

– Трудно было соврать, что РГГУ? Или не так престижно? А он тоже с псевдонимом, или дадите мне на него собрать досье открытых источников?

– На, тут всё уже собрано... – на её ладонь лёг брелок с флэшкой, – в самолёте считаешь, соседи из Детского мира кое-что подкинули тоже. Его зовут Сергей. Подпиши неразглашение у них сегодня. За это и гонорар у тебя с индексацией от конторы. Кулон на шею – и вперёд. Вылет завтра в девять.

Карина покрутила в пальцах протянутый ей кулон из моржового клыка с четырьмя круглыми насечками. Что и как было устроено внутри украшения – её не очень волновало. В конце концов, с ним даже безопаснее.

– Прямо Мата Хари. Надеюсь, он джентльмен. Иначе матом. По харе.

– Даже не сомневайся! Он подписал обязательство не посягать на твоё личное пространство. И последний сюрприз, тебе будет приятно. Вы живете в отеле Cicerone недалеко от замка Святого Ангела. Доброй охоты, дорогая!

– Чичерина, чичероне...³ Остроумно, – она повесила кулон на шею и подумала, наверное, что если бы не развал радиостанции, которой она отдала дюжину лет жизни, вряд ли магистр философии согласилась бы за деньги выгуливать бо-

³ Cicerone (итал.) – проводник, дающий объяснения туристам при осмотре достопримечательностей в рассказах о странах Западной Европы, происходит от ироничного напоминания о Cicerone – Цицероне, древнеримском философе (Толковый словарь Д. Н. Ушакова, 1935–1940 гг.). Чичероне (устаревшее) – в прежние времена учёный, умевший объяснить всевозможные древности и редкости, переводчик, показывающий иностранцам местные достопримечательности (Словарь иностранных слов русского языка)

гатых неврастеников с их паническим бегством от собственной тени... Как вариант – модная пилюля от бешенства с жиру.

Да, наверное, гид так и подумала! К такому выводу пришла штатный психолог агентства, провожая глазами Карину. Такой сардонической кривой ухмылки она у коллеги давно не видела. Ничего, скоро успокоится, и глубокое тренированное спокойствие профессионала уже не даст сбоев.

Москва. Измайлово. Тот же вечер, 20.40

Ключ не с первого раза попал в замочную скважину, в пальцах ещё дремала предательская немота. Двадцать пять лет... Карина юркнула в свою квартиру, словно спеша спрятаться в ней. Стянула высокие сапоги, не сразу зажгла свет. Не по необходимости была такая маскировка, хотя запись миниатюрной камерой моржового кулона она решила вести с первой же минуты. Для самодисциплины, скорее, чтобы исключить любые разночтения и претензии. Сосредоточиться и успокоиться. Вот сейчас что самое главное. Двадцать пять лет назад она, не задумываясь, рассказала о своей обиде маме и чуть ли не всю ночь проплакала ей в колени, вернувшись из Крыма. Как бы ни горело внутри, матери *сейчас* ничего нельзя узнать о сегодняшнем новом повороте той давней истории. Нельзя её *этим* тревожить. Этим, то есть тем, что менее чем через сутки она увидит того, кто её предал... Его, его... Его!

...Штиль на южном берегу. И какой клеветник сказал, что вода в Ялте немногим чище стоков измученной автосервисами Яузы? Невесомый прилив застенчиво перебирал мелкую серо-розовую гальку, море отдавало тепло дня остывающему вечернему пляжу. Немного загрубевшей от оружейной стали ладонью Сергей гладил её длинные русые волосы, касался нежной щеки. Под неусыпным ревнивым взглядом другой парочки – его сокурсника по военной академии и её подружки – они не могли себе позволить смелость даже лёгкого поцелуя. Уговор дороже денег, тем более, что спорили на целую банку пива! Мальчишек звали Олег и Сергей, девушек – Юля и Карина. Студенческие каникулы в своей самой сладкой августовской поре подарили им друг друга на фестивале вузовского фольклора в одном из спортивно-оздоровительных лагерей Алушты. Курсанты уговорили подруг поехать в Ялту, где ожидался концерт модного барда, остановившегося в гостинице «Интурист». Там же в двухкомнатном люксе отдыхала мать одного из них с отчимом-генералом. И всё складывалось удачно: сразу после концерта генералу надо отбыть в аэропорт, вот он и добросит девушек на служебной «Волге» почти до самого их лагеря под Алуштой, а сам проследует дальше.

Горчинка в этом празднике всё же была. Буквально вчера в кафе возле морского вокзала ребята угощали их мороженым. Откуда ни возьмись, в зал ввалились трое упырей,

разопревших от выпитой на жаре водки. Немногие посетители, пожилая пара и семейство с детьми даже не попытались поднять голос, когда один из пьяных нетвёрдым шагом двинулся к замеченным в углу ящикам со спиртным. А по дороге споткнулся о Юлькин стул и рухнул с ней вместе на пол. Девушка отчаянно закричала, вскочившая Карина почувяла неладное в движениях огромного вонючего тела над подругой, со всего маха врезала носком спортивного тапка лежачему по печени, тот взвыл от боли и откатился в сторону. Тут на шум подоспели выходившие покурить курсанты, но и двое других пьяных бандитов вообразили, что их собутыльник атакован. Курсанты встали спина к спине... Дюжий повар вышел из кухни вовремя, милиция появилась уже в тот момент, когда нападавших скрутили. Молча за всем наблюдавшему чинному семейству достало совести правильно указать на виновников... У Сергея была рассечена бровь, Олегу пришлось вправлять плечевой сустав. В крошечном букетике белых роз, украшавшем их столик, на нескольких лепестках атели капли юной горячей крови...

«Если когда-нибудь я получу букет белых роз, а внутри две алые, я буду знать, что это от тебя, Серёжа!..» «Ты будешь ждать меня, правда?» «А как мне без этого защищать тебя? Влюблённый солдат лучше воюет» «Мне так хочется увидеть Рим... Колизей, фонтаны! Давай полетим туда?..» «У... ууу... Прошу посадку в Риме, и приготовьте белые ро-

зы» «И красные! Что это ты делаешь?» «Обручальное колечко тебе...» «Из фольги от конфеты? Великовато». «А какой размер у тебя?» «Пятнадцать с половиной». «Дюймовочка. Я запомню. И куплю тебе настоящее, золотое».

Тревожно закричали чайки, сорвались в панике с фуникулёра, на каком солидные отдыхающие спускались из корпуса к морю. Зная, чем такой старт оборачивается для зазевавшихся, Сергей резко выдернул из-под спутницы широкое пляжное полотенце, накрыл их обоих... Легче выстирать ткань, чем отмываться от зловонного гуано из кишок помочных птиц. Воздух!.. Его рука обвилась вокруг её плеч, под оранжевым куском материи было душно, но волнующе хорошо. И никому не могло прийти в голову, что «хорошо» в последних каникулах их юности на этом и закончится. Когда нужда в тенте закончилась, Олега и Юльки на пляже уже не было. Прождав с полчаса, два раза до фильтра выкурив драгоценные сигареты, которые приходилось чутко прятать от родителей, влюблённый курсант решил оставить подругу около лежака, натянул шорты и футболку и отправился на поиски.

Карина просидела до темноты. Она не знала, что делать. Вспомнила даже детский сюжет про маленького часового, кого старшие ребята оставили на посту, да и забыли про него, а малыш всё стоял и стоял, мёрз, но не смел убежать и оставить пост, и освободить его из игрушечного караула при-

шлось взрослому военному. Ей было очень холодно и страшно, ветровка и сумка с документами остались в номере генерала. Когда в море уже появились огни ночных рыболовецких траулеров, раздался шелест спотыкающихся шагов по гальке, и ей на грудь кинулась заплаканная Юлька. Из её сбивчивых слов стало ясно, что эпизод с дракой в кафе развился в неприятную историю. Один из пьяниц оказался в кумовстве с киевским прокурорским начальством, и струсивший следователь счёл ошибочным решение отпустить защищавшихся «московских гостей». Два часа её провоцировали на признание в занятиях древнейшим ремеслом, а курсант выдерживал допрос с пристрастием о личной мести. Внезапно пытка оскорблениями и закончилась – Олега засунули в какую-то машину и увезли. А её как бродяжку выбросили из отделения милиции и предупредили, что в спортивном лагере неявка на утреннее построение обернётся для обеих девушек исключением из института перед самым дипломом. Бред какой... Но где мальчишки? Куда увезли Олега, кого нелюди в серой форме словно специально били по больному плечу? Куда делся его друг Серёжа? Перепуганные, усталые, две девушки через прореху в живой изгороди пробрались на территорию номенклатурной гостиницы, где уже заканчивался концерт барда.

Тысяча рук с зажжёнными зажигалками и фонариками раскачивалась в такт и подпевала хиту конца восьмидесятых, под финал выступления песню попросили ещё раз исполнить

на бис:

«Безобразная Эльза, королева флирта, с банкой чистого спирта я спешу к тебе. Нам за сорок уже, и всё что было, не смыть ни водкой, ни мылом с наших душ...»⁴

«Девушки, простите, я вам глубоко сочувствую, но ничем не могу... Мой сын ни о чём меня не предупреждал. Его и его приятеля мой муж час назад посадил в свой служебный автомобиль, они улетают в Москву – дама, отворившая им дверь гостиничного номера, рассматривала их с брезгливым любопытством – я сама отправляюсь завтра днём, у меня ещё две грязевые процедуры... Попробуйте спросить о ваших пожитках в камере хранения!»

На стойке регистрации к двум измученным студенткам отнеслись куда человечнее. По описанию вещей и фотографиям в паспортах их сумки были опознаны и отданы. За две пачки забытых генеральским сыном сигарет «Лайки страйк» шофёр, привозящий продукты в ресторан гостиницы, тем же поздним вечером довёз подруг до поворота на пионерский лагерь имени Павлика Морозова. Оттуда при неверном свете луны сквозь набегающие облака, ёжась от порывистого ветра, исцарапанные колючками, они дошли по туристической тропе до своего корпуса и влезли в него через окно туалета, поскольку после отбоя прошло уже полтора часа...

⁴ «Безобразная Эльза», песня группы «Крематорий» из альбома «Живые и мёртвые» 1988 года. Исполнителем почти всех известных песен группы является Армен Григорян.

На то, что они проспали утреннее построение, никто не обратил ни малейшего внимания. 19 августа 1991 года лагерю все были заняты другим. Драма всей страны заслонила девчонкам их собственную, да и мотив резкого отъезда курсантов к месту службы, на котором настоял отчим-генерал, тоже был объясним. Да и кто в той ситуации поступил не по-офицерски по отношению к доверчивым девушкам? Старший по званию или двое пацанов, кого он просто заткнул своим командным окриком? Какая разница теперь... Двадцать пять лет прошло. Целая жизнь. Знаменитый режиссёр и бывшая радиоведущая, вынужденная из-за развала родной станции подрабатывать «эксгумацией мёртвых душ», то есть штопкой нервов богатых и знаменитых во время прогулок по европейским достопримечательностям. Обслуга, а на горничных и садовников, парикмахеров и таксистов в этой среде не принято обращать внимания – это неодушевлённые предметы. Люди без лица. Значит, он её не узнает и не вспомнит. А ей не стоит вспоминать. Так бы по уму. Но сердцу не прикажешь – для этого туриста она может стать, если разгорятся старые угли, никак не утешающим ангелом-хранителем, но Вергилием, экскурсоводом по девяти кругам ада. Неизвестно, что труднее – заставить себя не узнать его и бесстрастно вправить ему мозги в нужном, полезном для него смысле. Или, видя в нём врага, заточить на губительную жизненную стратегию... Кто тогда был виноват? И теперь что делать-то?

...Варёное в крутую яйцо – в крутой кипяток. Свежий белый хлеб с плавленым сыром, крепкий свежесваренный чай. На большее аппетита не было. Признаться, заставить его себя узнать и вспомнить мрачный эпизод туманной юности?.. Впрочем, почему мрачный? Для него-то? Маленький карамельный эпизод, развлеклись с девочками на курорте, так те должны быть благодарны, что курсант отнёсся у студентке с уважением, и дело ограничилось поцелуями!.. Да он посмеётся, может ещё и от заказа отказаться. А противно как – хвостом вилять преданно, заглядывать в глаза как спаниель, которого хлестнули веником. Нет уж!.. Нет. Но и мечь – очень трудная задача. Провоцировать, склонять, да так, чтобы комар носа...

– О, Боже... – мелодичная трель, фото улыбающейся подруги тускло мигает на экране смартфона. – Юлька...

– Каринка, привет! Чего не звонишь, летишь завтра? – весёлый родной голос прозвучал сейчас как набатный колокол. Ну и чутьё у неё.

– Лечу. В Рим... – чайник на подоконнике заклокотал, как рассерженный вулкан Везувий. Карина почувствовала спазм в горле.

– А что с голосом? – в интонацию на том конце добавилось удивление. – Карин, мы с тобой за одной партой пуды соли считали. Я тебя знаю. Что?

– Да так, ничего... Клиент сложный.

– Ой, батюшки. Мало ли у тебя их было? Не первый ба-

клан на пирсе.

– Такой – первый, – она переложила трубку к другому уху. – Это Сергей. – Какой ещё Сергей? – не поняла наперсница.

– Тот самый Сергей. Беспалов. Ну, режиссёр... Серилал последний.

– Не может быть... – трубка охнула и часто задышала. – Нет, постой. Ты что, обалдела? Ты его согласилась взять клиентом? Он об этом знает?

– Юля, успокойся! – чичероне едва не обварила пальцы, вынимая горячее яйцо из стакана, разбила скорлупу о мойку, выложила на блюде. – мы работаем под псевдонимами, никто в офисе не догадывается, что мы были знакомы. Надеюсь, не догадывается... Я постаралась.

– Нет, это ты успокойся! Отмени заказ, он же узнает тебя, – паника в голосе подруги стала стремительно набирать амплитуду. – Отмени! Они ещё успеют другого шерпа ему подобрать. Ты представляешь, что будет, если... Ты что забыла, как он с тобой тогда, в девяносто первом, обошёлся, а? Как свинья последняя, тряпка, слюняй... Так даже в наше подлое время не поступают. Вспомни, как мы с тобой ночью по лесу в лагерь шли. Как в то время целы вообще остались! Дружка своего отчима уговорил отмазать, из ментуры вынуть, а нас просто по-мужски трудно было до лагеря довести?

– Я всё помню, Юля... Пожалуйста, перестань сейчас! Слезь с трибуны.

Трубка замолчала, засопела. Потом на том конце что-то уронили.

– Блин. Как же я раньше не догадалась... – произнесла трубка траурным тоном, звон столового прибора раздался ближе. Значит, подняла с пола и бросила на стол. – Ты что, решила ему отомстить, да? Признайся... Рожу его наглую так и вижу. Карин!.. Ты меня слышишь, вообще? Может быть...

– Что может быть?..

– Может быть, тебе очки надеть, такие, большие, затемнённые? У тебя есть? Возьми сразу две пары, ты их на море постоянно теряешь. Не снимай...

– Лучше сразу мотоциклетный шлем. И не снимать. Ты как это себе представляешь – неделю с человеком нос к носу?

– А вдруг он тебя узнает?.. – обречённо спросили на том конце.

– Сделаю всё от меня зависящее, чтобы не узнал, – с нажимом сказала чичероне, подумав, что для успокоения подруги это придётся повторить ещё раз пять. Как мантру раскольничьего попа. Свои бы эмоции подавить...

– А ты с ним как? – трубка заикалась от возбуждения. – По чесноку мозги вправишь, на путь наставишь... Или... наоборот?

– Юля, мы сейчас с тобой это не будем обсуждать, хорошо? – Карина произнесла это таким спокойным отчётливым тоном, что её одноклассница ощутила неприятный холодок между лопаток. – Через двенадцать часов я увижу моего клиента. Ничего плохого не случится. Со мной. Я обещаю. А ты перестань психовать. Ты меня знаешь. Любые переживания можно спрятать. Это лишь вопрос напряжения воли. Нельзя скрыть только любовь. Доброй ночи. – вешая трубку, Карина чувствовала, как пульс бьётся о рёбра... Верно говорят. Можно затаить дыхание, но сердцу – не прикажешь.

Где-то далеко, в Новых Черёмушках, чуть располневшая, с уже заметно опустившимися от невзгод уголками губ её ближайшая и преданная подруга Юлька накапывала себе в рюмку валокордин. Двадцать пять лет назад она по доброте своего верного сердца поехала одна разыскивать бывшего курсанта Сергея туда, где он, по его собственному признанию, жил с родителями в престижном кирпичном доме. И встретила его, подтянутого и опрятного, уже в гражданской одежде, в Большом Харитоньевском переулке. Под руку с ухоженной вертлявой брюнеткой. Ничего не рассказав Карине, она глубоко переживала ещё и это, повторное надругательство над их с ней общей верой в людей и добрыми надеждами. Злилась, плакала... Дошло до того, что даже пыталась подманить и украсть любимого кота генеральской супруги, чтобы хоть как-то отомстить семейке за вероломство. Спустя двадцать лет одна бульварная газетёнка напечатала

интервью с известным режиссёром Беспаловым в его семейном кругу с той самой брюнеткой уже в роли официальной спутницы жизни... Но там не было ни строчки о том, что отчим-генерал, дабы устроить карьеру пасынка на гражданке, женил его «с целью остепениться» на дочери влиятельного человека, обеспечившего будущему зятю перерождение из военного переводчика в слушателя высших курсов кинематографии. А уж его приятелю-сокурснику Олегу, что, казалось, был так влюблён с саму Юльку, ему, красавчику и баловню, выросшему в театральном мире своей матери, сам бог велел сменить меч на матюгальник киношника. Но Олегу было не занимать амбиций, и поэтому он не сразу принял с «голубого блюдечка» свою запрограммированную судьбу, а пошёл кривым путём, подвизавшись сперва в журналистике. После какого-то парламентского брифинга уже замужней Юльке, помощнице депутата, пачку сплетен обо всём этом выдала в курилке знакомая корреспондентка. Однако на четверть века в её душе так и осталась законсервированной острая боль обиды. Там, как в потайной пещере в хрустальном гробу на цепях, качался незаданный вопрос... За что? Такой же, как и в душе Карины, остался в уже затянувшейся ране ноющий гвоздь-вопрос: почему тогда, в Крыму, *рыцари* бросили дрожащих от холода и страха девчонок на произвол судьбы.

А как было на самом деле? Олег долго не находил себе места: его жгли огнём досада и стыд за своё бессилие. Едва жи-

вой после допроса, он был уверен в том, что генерал эвакуировал всю четвёрку. Своего пасынка с его приятелем и двух девушек. Ему в голову не пришло, что может быть не так! Мать-актриса, выудив по капле у опустошённого потрясением сына причину его состояния, негласно навела справки о двух студентках, убедилась в их благополучном избавлении. Само собой, сычу-генералу отказывать от дома за неблагоприятный поступок дальновидная дама поостереглась. И это всё так и осталось *entre nous*⁵. О лечении душевной травмы, нанесённой никому не известным «девицам с окраины», в Большом Харитоньевском переулке и на Тверской подумать не удосужились. На вопрос юноши актриса ангельски улыбнулась: «не ищи ты их, девушки уехали на заработки в Европу». Это, разумеется, была её импровизация. Но разве у неё был выбор? Времена настали непростые, номенклатуре нельзя отвлекаться на такие мелочи. Своё благополучие надо оберегать, запирая на все замки. Не распыляться на благотворительность в отношении людей... Не своего круга.

А Сергей?.. В ночь на двадцатое августа он украл у отчима наградной пистолет. И от того, чтобы завершить дело Гамлета и вторично облечь вероломную мать в траур, его удержала случайность: друзья позвали нести караул туда, где защитники свобод уже строили баррикады из троллейбусов и варили макароны с тушёнкой на кострах. Оружие у него тут же забрали какие-то бородатые товарищи, внутрь здания так

⁵ Между нами (франц.)

и не пустили. Привычный мир выворачивался наизнанку, и он чувствовал себя листом, подхваченным ветром, который просто несёт неодолимая сила. Те события стали переломом и в его собственном восприятии мира. Умный отчим простил парню утрату пистолета, но поговорил с ним всерьёз, сумев внушить, что объективно взять с собой всех в машину он не мог, так что спас только его друга. А курортных романов в жизни любого мужчины бывает ровно столько, сколько раз ему выпадает свобода... То есть *не надо* ехать в отпуск с семьёй. Соблюдать приличия – во что важно в их кругу, если хочешь чего-то добиться. И вот прошло двадцать пять лет. *Земную жизнь пройдя до половины...*⁶ Помнил ли постаревший влюблённый солдат о первой любви? Тонкий пальчик, колечко из конфетной фольги.

– Каринка, Каринка... Ты главное, не рискуй, – шептала видевшая уже многое за двадцать пять лет полноватая добрая женщина – как было б лучше ему тебя не узнать. Была русой, красишься в блондинку. Взгляд стал твёрже, родинку на щеке удалила... Почему отказалась очки надеть, ведь это модно сейчас? Хоть бы не узнал он тебя, хоть бы не узнал. Ямочка на подбородке была, сейчас нет. И телефон выключила... А мне что, не спать теперь?

⁶ «Земную жизнь пройдя до половины, Я очутился в сумрачном лесу, Утратив правый путь во тьме долины, Каков он был, о, как произнесу, Тот дикий лес, дремучий и грозный, Чей давний ужас в памяти несусь». Данте Алигьери, «Божественная комедия», Ад, песнь первая.

Глава 2

«Сосуд ли ты, в котором пустота?»

7

27 октября, Рим, piazza Cola di Renzo, 07.30 местного времени

– Свой путь земной пройдя до середины, я оказался в сумрачном лесу... Э-э... Чей ужас с памяти несу. Простите, цитирую коряво, но в тему. Я Сергей, а вы, чудесное видение, Вергилий или Беатриче? – на пороге номера на втором этаже её встретил мужчина лет сорока, крепкий и подтянутый, как бывший военный. Улыбка всё ж выдавала принадлежность к шоу-бизнесу: лучезарная, тренированная. Однако полное безразличие в светло-голубых глазах довольно быстро сменилось доброжелательным любопытством.

Шерпа это порадовало. Значит, выглядит она в обтягивающих джинсах и кожанке поверх оранжевой футболки всё-таки не на свои сорок с лишним. И, что более приятно, тревоги и возбуждения её появление тоже не вызвало.

– Оставьте «Божественную комедию» до другого раза, Сергей. Думайте о хорошем. Доброе утро! – она привычно

⁷ «А если это так, то что есть красотаИ почему её обожествляют люди?Сосуд ли он, в котором пустота?Или огонь, мерцающий в сосуде»Николай Заболоцкий, «Некрасивая девочка», 1955

брызнула на него энергией своей искренней улыбки, такая артподготовка действовала на всех клиентов, а про себя подумала о совпадении – ведь о роли Вергилия для себя думала ещё накануне. – По крайней мере, желаю вам такого утра. Будем знакомы. Маша!

– Очень рад. А это – талисман? – вежливо пожав протянутую дамой ладошку, очевидно, для поддержания разговора Сергей показал глазами на квадратный кулон из моржовой кости на её шее. – Салехард, как я вижу?

Вот, опять... Мелочи, но складываются в общую картину. Накануне, в кабинете одного серьёзного ведомства, давно знакомый сотрудник объяснил ей, что против режиссёра за границей после его сериала возможны грубые провокации. Слишком сильно он прищемил некие интересы, развеяв миф о безобидной опеке со стороны более опытных партнёров демократической плеяды. Кусок бивня арктического животного содержал не камеру слежения, а тревожную кнопку и средство экстренной навигации. На всякий случай. А ёмкости карты памяти встроенного диктофона хватает на десять часов аудио записи, включающейся автоматически после начала разговора.

– Да, пришлось завалить бедолагу, приставал!.. Это трофей, – смешливо бросила она. Рано показывать тонкую начитанность, пусть расслабится. И расстегнула лёгкую кожаную куртку совсем, открыв надпись на футболке *«брошу всё, еду в Урюпинск»*.

– Форма одежды, товарищ командир? Кеды, кепка, кардиган?

– Утро выдалось солнечным, к полудню вовсе можем запариться, так что советую вам тоже взять рюкзак... Мы ж туристы!

Осмотрев женщину с головы до ног, Сергей ощутил себя претендентом на вакансию водителя в международном пионерском лагере. Ладно, пусть. В её непринуждённом поведении, в свежем цвете лица и блеске внимательных глаз, лёгкой улыбке чувствовался уверенный почерк опыта. Что ж, правда, ей надо просто довериться... Всё вон из головы. Друг в беде не бросит, лишнего не спросит. Эта блондинка с хвостиком, отдалённо напоминающая Ларису Удовиченко, спортивная, подвижная, как минимум обеспечит полноценный отпуск в одном из прекраснейших городов мира. Поможет перезагрузить нервную систему. Дружбу купить нельзя, а приятеля-помощника за деньги – запросто. Чуть дороже, чем собутыльника. Пока – так. А дальше посмотрим.

– Жду вас на завтраке, – она повернулась и двинулась к лифтовому холлу, казалось, заскользила по воздуху, не касаясь плотного ворса ковра.

Личное пространство. Даже не переступила порог его номера. Древний дух лесного края Lazio взял его под своё покровительство, но строго очертил границы яви и нави. Тронешь хрустальную грань, всё рассыплется. Лёгкая, стремительная... Может быть правда, она соткана из нитей паути-

ны и блик радуги на поверхности воды? Надев мышинового цвета льняной пиджак, сунул в нагрудный карман солнцезащитные очки. И поймал себя на том, что рука потянулась к щеке – проверить, хорошо ли выбрит. Выходит, его мужское начало уже знало об отношении к незнакомке больше, чем разум? Чепуха...

– Хорошо выспались? – спросила она, сдвинув на соседний стул свой смешной гобеленовый рюкзачок с разнокалиберными совами. – Этот отель очень удобно расположен – между двумя станциями метро, а до замка Сант-Анжело и Ватикана тут четверть часа прогулочным шагом. Но что самое главное – тихо, да и *gusso turisto* с их *обликом орали* редко попадаются.

– То есть не орут? Первый раз слышу такую шутку... – усмехнулся он. Да и замечание на счёт сна – в десятку. Про явь-навь, сов, духов. Очевидно, таблетка снотворного, вырубившая вчера его рассудок, ещё эффективна.

– Так почему Рим? – спросила она, с аппетитом уплетая фруктовый йогурт. Нормальное поведение для человека перед началом рабочего дня.

– Рим?.. Да я сам не знаю. Не на Oktoberfest⁸ же с пивом и сосисками. Ваша психолог мне тесты какие-то давала, а потом предложила на выбор Рим, Вену или Будапешт. При этом, как мне показалось, для проформы. Она была уверена

⁸ Октоберфест – фольклорный фестиваль, ежегодно проводимый в Мюнхене, народное гулянье, посвящённое распитию пива.

в том, что вальсы Штрауса и гуляш мне не так интересны...

– Не так, как что? – спутница привычно сдёрнула с порционной банки мёда фольгу и вылила тягучую янтарную жидкость себе в чай. – Это чтобы связки лучше работали. Я не просто так спрашиваю, ведь предварительную программу вы не согласовывали там, в офисе. Положились на импровизацию.

– Рим?... – глядя, как она уютно и по-домашнему обустроивает свой завтрак, ему почему-то тоже захотелось чая с молоком и мёдом. А не кофе, который уже остывал в чашке. – Потому, что Лучано Паваротти. Песенку эту запомнил – ай, вита, ай вита мия... Ну, и так далее. Потому, что Нерон. Такой артист умирает. А ещё Марк Антоний увидел Клеопатру. Гоголь. Брюллов.

– *Per favore!* – она понимающе улыбнулась и подняла руку. Мгновенно к белокурой синьорине подскочил юноша-официант. – *Si prega di sostituire la tazza e portare il te con il miele...*⁹

С той же скоростью, с какой были произнесены эти слова на свободном итальянском, словно под плавную мелодию её речи парень в белом фартуке с широкой улыбкой принёс поднос с дымящимся свежесваренным чаем. Так в великолепном Риме встречают или за большие деньги, или от всего сердца...

– Простите, вы родились где-то на берегу *Ostia Antica* или

⁹ Пожалуйста, поменяйте чашку синьору и принесите чай с мёдом (итал.).

в Tivoli? – невольно восхитился Сергей. – Мне всё же показалось, что я вас где-то уже...

– Это вряд ли! – внезапные льдинки в её глазах напомнили ему пункт договора о личном пространстве, – но вот мы и договорились частично о том, куда тянется душа для просушивания и проветривания. К морю лучше ехать чуть позже на неделе, в прогнозе – дождь с грозой. А Карла Брюлло-ва это вы в связи с «Последним днём Помпеи» вспомнили? Можно с этого и начать...

– Не далековато ли в первый день? – засомневался он. Темп, с каким эта миленькая блондинка принимала решения и прорабатывала варианты, застиг его врасплох. Может быть, в размеренности организованных групп есть свой резон. Там угодить всем капризам просто невозможно, вот и не торопятся.

Но Маша тут же, словно рукой – тюлевую занавеску, откинула его сомнения. Надо же, как она улыбается: озорно, лукаво... Как девчонка.

– Начать с того, чтобы забронировать нам эту поездку на завтра. В Рим из Неаполя и обратно – трафик очень оживлённый, как у нас между Москвой и Питером. Сейчас посмотрю... – вынув из рюкзачка планшет, она набрала что-то на сенсорном экране, тот ожил. Дальше работа её пальцев стала почти музыкальной, вслух она произносила только то, о чём требовалось согласие клиента. – Так... До вокзала Termini тут доплюнуть можно, пешком дойдём по утрен-

ней свежести вместо зарядки. Скоростной поезд в 8.44, годится? Билеты от десяти до сорока пяти евро в один конец... Как прикажете, беру в первый класс. Там одного светового дня хватит, даже с заходом в тайную комнату со всякой эротикой, если желание возникнет. В смысле – просто посмотреть, сравнить с собственными предположениями об античных способах плотских радостей... Прямого поезда до мёртвого города нет. Так что на Trenitalia доберемся до Napoli Centro Direzionale, там спустимся на один этаж. Повернём налево, электричка Circumvesuviana ходит два раза в час, время в пути тридцать пять минут. С учётом метро и пересадок за два с половиной часа доскачем, – поправила очки на носу. – Зато никаких пробок.

Вот так, наверное, в детстве мы доверяемся маме или старшей сестре, у которых всё получается, всё легко и празднично. Он посмотрел на часы.

– Ты ведь ещё не успела оплатить, верно? Восемь утра. Едем сейчас. Маша открыла рот. Очки с золотой оправой на носу, а поверх них – взгляд голубых удивлённых глаз. Огромных и чистых, как летнее небо.

– *Oje vita, oje vita mia... oje core 'e chistu core si' stata 'o primo amore e o primo e ll'urdemo sarraje pe' me*¹⁰... – она мурлыкала песенку, и даже не стала сердито шипеть, когда он помог ей натянуть на плечи рюкзачок с совами, выходя на улицу из

¹⁰ О жизнь, моя жизнь... О сердце, моё сердце! Ты – моя первая любовь. Первая и последняя для меня (неаполит.).

отеля. – А ты знаешь, что это неаполитанская песня?

– И пел её Муслим Магомаев!.. – отозвался Сергей.

До чего же легко, даже неожиданно и здорово легко, что удалось так просто перейти на ты. Без условностей и напоминований о пунктах договора: приличия, личное пространство... Жизнь сложнее умозрительных схем. Конечно, нельзя забывать, что при малейших неприятных домогательствах или претензиях со стороны клиента шерп имеет право записать все переговоры с ним для позднейшей экспертизы, мирового соглашения и урегулирования конфликта со штрафными санкциями в пользу той стороны, что будет признана потерпевшей. Запись может быть включена и по требованию клиента, и если некий момент самому шерпу покажется спорным. Пока же всё идёт гладко. Психолог удачно подбрал пару клиенту или нам с тобой просто повезло встретиться в этот странный момент вечности, удивительная женщина Маша? И всё же я тебя где-то видел.

До ближайшей станции Leranto, откуда прямая красная линия метро вела до вокзала Termini, они мчались почти вприпрыжку. По широкому тротуару, с которого уборщики ещё не успели смести порыжелые листья платана. Двое студентов! Наверное, так и задумано? Мальчишка захотел удивить девочку смелостью и авантюрным духом, та оказалась лёгкой на подъём. Наверное, это рассчитала психолог после теста о приключениях Тома Сойера, влюбившегося в соседку Бекки. Наверное, наверное... А сработало наверняка. Мы

бываем счастливы только в детстве или в ту пору золотой юности, когда уже многое можем, а главное, пока ещё много хотим. Да, да, это так... Главное, не проснуться сейчас в старых надсадно ноющих мыслях о том, что осталось там, во вчера. И куда после десяти суток авторской программы *voyage&conversation* неизбежно придётся вернуться. Хотелось бы, чтобы эта фирменная терапия *Follow me* подействовала.

Италия, скорый поезд Рим-Неаполь, 9.03 местного времени

– Спрошу, ладно? – в сидячем поезде за час поездки, пока летели слева зелёные поля с жёлтыми островками небурного рапса, мелькала терракота черепичных крыш и остроконечных колоколен, трудно утерпеть и не поговорить с попутчицей. Тем более, если она тебе уже знакома и даже симпатична. – А ты смотрела фильм, нашумевший, про царя и балерину?

– Да, конечно, я ведь не в Милане живу, а в Москве, – через паузу, явно с неохотой ответила спутница, – тебе интересно моё мнение?

– Конечно, поэтому и спросил. Ты думающий человек, как я заметил.

– Не усмотрела я там никакой особенной скабрёзности, низвержения идеалов. Николай Второй, и это всем много читавшим людям известно, был фигурой весьма неоднознач-

ной...

Как всё-таки льётся её речь! Никаких «э» и заиканий, словесного мусора вроде повторяющихся «короче, слушай, это самое». Профессиональный экскурсовод, преподаватель? Скорее всего, всё-таки журналист, имевший отношение к радио, только их так тренируют. А Маша, заметив, как внимательно он её слушает, ничуть не смутилась, только чуть прищурила голубые глаза, продолжила:

– Можно было бы сказать, что царствование Николая Второго – это судебная ошибка. От слова судьба. Роковая судебная ошибка для Российской империи. Этот человек должен был бы родиться учителем словесности губернской гимназии, супруг и любящий отец, мягкий, постоянно испытывающий чувство вины. Ему роль отца семейства на роду была написана, а на него империю возложили. Царь Александр Третий велел ему страну в кулаке держать, а кулака у наследника не выросло. Кровь пролил... Ленский расстрел – двести пятьдесят душ, Киев – тридцать, а ещё Обуховский завод. Ходынка особняком стоит. Дать приказ огонь на поражение собственного народа можно было только от страха.

– А первая мировая? – вырвалось у Сергея.

– О ней и речь в первую очередь. Человек, не имеющей собственной воли, метался между чужими мнениями. Розен предупреждал, да не он один – империя развалится на запчасти. Россия не умеет и не должна воевать за чужие интересы. Впрочем, что меня слушать... Размышления Солженицына

о февральской революции. Не читали? Почитайте. Ой, мы на ты... Почитай.

– То есть не повезло России с государем? С этим или с монархией?

– Да, не повезло. Пётр Первый заложил мину под державу, исключив боярские свары за право поставлять самодержцу невест и тем приумножать своё богатство и влияние. Но русские воеводы и князья с купцами русское добро и интересы далее Руси утащить не могли. При царевне Софье и малом государе Фёдоре Алексеевиче мода на зарубежные платья пошла, на всякие диковины. Маленький мальчик ещё в ясельном возрасте запомнил головной убор своей сестры царевны, тот самый, в котором она в бронзе отлита там, на Аллее Правителей чуть ниже Маросейки, можно посмотреть. А что это как не голландская шапочка? Только Русь тогда ещё своё самодержавие блюла.

– Самодержавие, православие, народность – это другой век!..

– Лозунг другого века, правильно! – одобрительно улыбнулась Маша – только в веке XVII смысл слова самодержавие был другой. Не власть одного монарха, а абсолютная независимость от других держав. Так вот... После путешествия Петра в Голландию появились иноземные советники, сподвижники и прочая... Флот и армию без них было не построить. Но Пётр их вообще везде пустил. Мудр был, умён, понаблюдал и заметил, что их преданность простирается

лишь до тех пор, пока не вступает в противоречие с природой. Faterland никогда в душах иноземцев не померкнет. Как бы Россия волка ни кормила, он всё в свой лес смотреть будет. И никогда интересами земли отцов не поступится, как бы Русь его деревнями и почестями за службу ни награждала. Заметив, осознав всё это, Пётр для начала принял в 1721 году императорский титул...

– То есть, погоди... Дело не в отказе от старорежимных обрядов?

– Мы сейчас находимся на земле, где эта система впервые обкатывалась веками, – она даже показала большим пальцем на зелёные поля Италии, что в солнечном утре неслись по бокам скоростного поезда. – Юлий Цезарь всего лишь был пожизненным диктатором, а его пасынок Октавиан Август стал первым императором. Rex, царь, в латинской традиции – термин чуть ни не ругательный. Тарквиния Гордого, садиста и самодура, ненавидел весь народ, и римляне так с ним нахлебались, что в 509 году свергли в его лице всех царей навсегда. Так что в 44 году, когда заговорщики зарезали Цезаря, мотив у них был исторически обоснованный – не допустить единоличного правления. Но огромная держава требует централизации. Титул императора – те же яйца, вид сбоку, а по сути одно и то же. Хотя изначально это титул предводителя римских легионов. В теории по наследству его передавать нельзя, главнокомандующего выбирает армия или... У Петра не было наследника. А преемник мог бы быть.

– Так он не оставил завещания на счёт преемника. Или документ был?

– Был, – усмехнулась проводник по Италии и истории, её тон был уже ровным и повествовательным, ведь тематика беседы вписывалась в рамки её профессиональной задачи, – но, скорее всего, не устроил окружение. И наша матушка Русь в итоге получила династию, последний венценосец которой в жилах имел в лучшем случае одну сотую русской крови. Возможно, дело не в этническом составе. Екатерина Великая была более русской по духу, чем её муж, внук Петра Великого, что вернул педерасту Фридриху прусскому с поцелуями то, что завоевала наша армия. Дело в другом. Сильный государь Александр Третий держал и прославлял Россию, а слабый, его наследник Николай Второй, слушал и слушался немецкую родню.

– То есть выходит, что в девятнадцатом веке России, несмотря на немок и немцев на престоле, ещё как-то везло... На достойных преемников.

– А в двадцатом везение кончилось. Цесаревичем Николаем помыкала мать, которая пеклась не о престоле, а об устойчивости династии. Угождал жёнушке, что обижалась на кузена Вильгельма, посмеивающегося над ней как над провинциальной немецкой принцессой с дурным вкусом. Метался меж двух огней и плутал меж трёх сосен. И для России стал несносен... О, надо же, стишок вышел!..

– Послушай, Маша, – мелькнувший впереди у самого го-

ризонта конус самого живописного вулкана Европы вернул туриста в реальность, – вроде, подъезжаем, а мне так хочется успеть тебя спросить... А это не враньё всё про слабости последнего государя, а? Советские учебники, Солженицын. Он и по воронам стрелял, когда надо было делами и законами заниматься, и на женском внимании был зациклен как слабоумный... Пойми, я ни в коей мере не разделяю мнение фанатиков, что вопят, мол, не трогай стратотерпца.

– Если отбросить трактовки, есть ещё и голые факты. Их оценивай.

– Кажется, я догадался!.. – произнёс он медленно – фотографии, цифры и всё такое. Не в пользу Николая. Вроде бы как, ещё будучи цесаревичем, в поездке по Японии он себе набил татуировку с драконом... И не стеснялся!

Да за одну эту блажь можно было бы вернуться к вопросу об обоснованности его пребывания на скамейке запасных престолонаследия...

– Да, на правой руке... – задумчиво кивнула чичероне – что это, легкомыслие? А в Ветхом завете сказано – не протыкай плоть, не наноси на неё письмена... Мистика, метафизика, суеверия?

– Но в 1904 году войну японцам наша империя проиграла. Врагу не сдаётся наш гордый Варяг... Хороший ответ тем, кто считает кощунством фильм о страсти цесаревича и польской балерины...

– Мы начали с киноленты, – она чуть подняла подбородок,

глядя в окно на приближающийся конус вулкана, на светлом фоне чётко обозначился её профиль с лёгкой горбинкой носа и высоким лбом. – Но я отвечу. Клеветы в том, что Николай был слабохарактерным – нет! Бабушка моей бабушки рассказывала, как он волочился за ней на балах... И был смешон и жалок. Тот фильм, который сейчас обсуждают и осуждают, полезен в том, что нас заставляет задуматься о словах Екатерины Великой. Сильных уважают. А слабых бьют. Его звали государь-батюшка... Русь святая и лапотная так его называла. А Николай... Его напугали, он и отрёкся, и к семье побежал, хотя им ничто не угрожало в тот момент. И бросил на верную гибель миллионы.

Маша оторвалась от вида из окна и посмотрела на своего клиента. Он был спокоен, но бледен как полотно. Пожалуй, хватит с него пока...

– Мы о фильме говорили с тобой, – произнесла она мягче, – так вот что скажу последнее. Он не плох и не хорош. Это не учебник истории, не роман с брызгами свадьбы, не костюмная мелодрама про страсть балерины и дофина в декорациях заката Российской империи¹¹. Это просто восклицательный знак. Для нас всех. Каждый на своём месте обязан помнить свой долг. О нас, русских, говорили в веке галантном на прусских полях ратной брани – его мало убить, русского ещё повалить надо. Зубами держись, умирай, но

¹¹ Речь идёт об исторической мелодраме режиссёра Алексея Учителя «Матильда», Россия, 2017 год.

стой. Тем более, если от твоей воли и беспощадности по отношению к самому себе зависят судьбы и душевное состояние миллионов людей. Слишком велика цена слабости. Помазанник божий не имел права отречься от престола. А просто гражданин Романов обречён на то, его проступки будут оценивать как обывательские. Кстати, это не только помазанников божьих касается, но и тех, кого Господь в макушку поцеловал. Ты понял меня?... Выходим.

Шумный, пёстрый, пахнувший рыбой и пиццей город дышал солёной влагой осеннего моря, брэнчал ключами от счастья и показывал пальцем в сторону *memento mori*¹² – платформы Napoli Garibaldi до станции Помпеи.

Италия, Помпеи, начало одиннадцатого местного времени

Родина, патриции, отечество... За полчаса в электричке до станции Pompei Scavi шерп и турист не произнесли ни слова. Она просто отдыхала, не удержавшись, даже сняла на смартфон особо выигрышный ландшафт. И вертела головой по сторонам, впитывая забавные неаполитанские обороты речи так же, как если бы он, Сергей, прислушивался к перебранкам в трамвае неунывающей Одессы. А он, поглядывая на симпатичную спутницу, в своих мыслях был далеко от волшебной Италии, пьянящей, как игристое вино.

Патриотизм... Что это? Хочешь понять суть явления, нач-

¹² Memento mori – помни о смерти (лат.).

ни со слова, его обозначающего. Язык, завещанный нам предками, это нематериальное богатство их опыта. Смотри в корень. В Риме правили патриции. До тех пор, пока рабы-инженеры, рабы-поэты, рабы-историки вроде Иосифа Флавия не развратили их окончательно, лишив навыка думать и действовать. Рабы из числа бывших врагов вместо них вставляли в строй в легионах. На смену не сумевшему прижиться богу Митре пришла восточная религия, обещавшая всем терпеливым рай после смерти. Там, откуда невозможно получить весточку от тех, кому доверяешь, – мол, верь, всё без обмана! Патриции потеряли всё – веру отцов, умение защищаться и обслуживать свои душу, тело и быт. И их отечество пало от их же слабости и лени. А Русь святая лапотная? Прорубленное окно в Европу привило немецкие побегки к царственному генеалогическому древу. Одни цветы династии давали ядовитые плоды, другие – полезные, третьи – вялые. Но немецкие принцы и принцессы, пожизненно прикомандированные в чужом отечестве, воспитанием своим, сказками про горшочек свинопаса и «житиями цезарей» вместо бабы Яги и подвигов былинных богатырей, были запрограммированы на тоску по далёкой прародине. За два с половиной века истлела династия патрициев Романовых, растворилась в чужой крови. Чудо ещё, что столько держалась – видать, на бесконечных просторах инерция длиннее. Урок истории... Той, что жестоко наказывает за невыученные уроки.

Дела давно минувших дней? Но ведь и сейчас, похоже,

так. Уже не голосу чужой крови послушные, но воспитанию чужому, дети нашей новой элиты, вскормленные интеллектом Кембриджа, туда же и тяготеть будут. Там они привыкли стесняться российского происхождения, тут – брезговать всем. Им, которые есть «не народ, но лучшие люди города», будет остро хотеться домой... Туда, где им уютно, спокойно, сытно и привычно. Туда, где живёт подружка Гермiona и приятель Рон¹³. В Лондон. И можно ли тогда подпускать их к управлению общественным мнением здесь, в России, основываясь лишь на констатации, что они получили лучшее в мире образование? Да кто вообще определил, что лучшее в мире? Для поддержки интересов британского мира – да, лучшее... Отпрыскам периферийных шахов и колониальных элит вложили в мозги всё то, что требуется для обеспечения интересов метрополии. А для интересов России полезны ли их программы, дают новые импульсы в развитии? Вряд ли. Русские выпускники Кембриджа и те, кого снобизм и статус обязывают им вторить, заученно презирают своё природное отечество. И тянут, как мантру: страна-бензоколонка, вы грязны и провинциальны, тупы и дурно воспитаны. Будьте благодарны, что белый господин платит стеклянными бусами за нефть и газ. Мы видели столицу его мира, нас туда пустили, так что мы – лучшие, мы всё про всё знаем. Ах, вы в наслоении рыжих и коричневых треугольников не увидели гениальный взлёт эротической живописи? Вот вы и доказа-

¹³ Персонажи британской писательницы Джоан Роулинг, друзья Гарри Поттера.

ли, как вы тупы, русские ватники...

И вот этим, отрезавшим себе отечество как рудимент, мы доверяем право быть судить о культуре, искусстве, эстетике, истории?

Да, однако... Но ты ещё иди, попробуй, брось им вызов. Сковырнуть засорённое инородным грибком монархическое управление, делавшее великую империю заложницей бездарного царя, пожалуй, было не проще...

«Имеет ли право посредственность, не самостоятельная в принятии решений, владеть судьбами и умами целой страны? Вот что в подстрочнике, мне кажется...» – слова Олега Бондаря о киноленте про царя и балерину, с той его жёсткой интонацией героя-десантника, явственно всплыли в памяти Сергея, и он чуть не споткнулся, задумавшись.

Верно, всё верно... А ведь Маша заставила его посмотреть на проблему с неожиданной стороны. Без архитектурных излишеств, но в самый корень. Какой она, оказывается, глубокий человек. Ведь правда, всё встало на свои места, как на шахматной доске в начале партии. Какой она, оказывается, глубокий человек. Не зря *Follow me* берёт такие немислимые деньги, фирма веников не вяжет, заботится о репутации, попасть к ним можно только по рекомендации. Поэтому и нанимает в шерпы настоящих профессионалов.

Как всё просто и ясно стало после разговора с ней... *Те, кто хочет быть там, не должны определять, как нам быть здесь.*

– Их сейчас здесь нет! – коснувшись его рукава, сказала спутница.

– Кого? – он даже вздрогнул от неожиданности.

– Тех, о ком ты думаешь, – буднично сказала Маша и от-
вернулась, поправив козырёк синей выцветшей бейсболки. –
И тех, кого мы скоро увидим, тоже нет. Мне было очень
страшно в первый раз, пока я это не поняла. Нет никого, а
значит, и ничего нет. Ничего страшного. Пойдём!

Несколько быстрых слов по-итальянски, она предъявила
пресс-карту и заплатила полную стоимость только за его би-
лет, обменявшись с кассиршей ослепительной жизнерадост-
ной улыбкой. Дальше на тропинке, ведущей к зелёному валу,
бывшему причалу курортного античного городка Помпеи,
топталась группа соотечественников, ожидая отставших и
гида. Вот для чего пригодились тёмные очки... Не хватало
ещё, чтобы в него вцепились тётки, что бросили всё и уехали
из Урюпинска ради селфи с любой знаменитостью. Втянув
голову в плечи, он буквально вперился в рюкзачок своей чи-
чероне и ухитрился проскользнуть незамеченным. Впрочем,
нет!.. Стоявшие с краю полные дамы задержали взгляд...
Невероятно, не на нём, на ней, на Маше. И начали о чём-то
возбуждённо переговариваться.

– Шагу прибавь! – она поняла свою оплошность и сно-
ва, как утром в холле отеля, буквально заскользила лёгким
стремительным шагом по мелкому гравию археологической
зоны, направляясь к стенам древнего города, убитого Везу-

вием. – Теперь так. Просто иди за мной, всё покажу. Люди не поверили чёрной метке, что вулкан послал городу ранней весной 62 года, землетрясением была снесена треть зданий. Сгорел архив, где содержались сведения о землевладельцах. Тогда-то застройщики по дешёвке стали скупать пустующие участки. Помпеи быстро расцвели и похорошели, избавившись от обветшавших общественных бань, вилл и прочего. Как Москва после наполеоновского нашествия, кому пожар способствовал во многом к украшению. Но Помпеи подвело легкомыслие её нравов. Никто не хотел слушать ни специалиста по фонтанам, что заметил – акведук высох вместе с озером на вершине мирной горы. Ни выходцев из Сицилии, что сравнили поведение Везувия с постоянно беспокойной Этной.

– Специалистов тогда тоже не слушали? – глухо произнёс он.

– Эффективные менеджеры думали о другом – виллы в начале мягкого сезона ранней осени шли по высокой ставке аренды. Заткнуть рот паникёрам было проще, чем примириться с потерей дохода. А что было потом... Пять фактов, описанных Плинием Младшим. Пиропластическое извержение не оставило шансов тем, кто замешкался с бегством из города после первого дождя из пемзы. Те, кто ждал спасательную экспедицию его дяди Плиния Старшего на пляже в Геркулануме, спеклись заживо, как картошка в углях. Карл Брюллов. Один день. Двадцать четвёртое августа восемьсот

тридцать второго года от основания вечного города Рима. Слушай беззвучие. Здесь не принято много говорить.

Ещё мгновение и он, взрослый мужчина, от нахлынувшего тяжёлого ощущения взял бы её за руку. Просто так, чтобы чувствовать себе не так одиноко в жутком месте. Дыхание ужаса, казалось, осело масляными пятнами на камнях, взвесью висело в едва отступившем утреннем тумане. Навяждение. Звон пластмассовой ручки зонта о камни, зонтика, обронённого туристкой далеко позади, показался в тяжёлой мёртвой тишине пасмурного дня чьим-то проснувшимся воплем страдания и борьбы. Здесь смерть насытилась по горло, да так и осталась отдыхать, переваривая ужин, в тени серой громадины уснувшей горы. Рванувшие за века к небу платаны, кусты, яркие краски цветов и зелени – всё было молчаливо, собранно и сурово. Как флора погоста, как камни кладбища. Клиент и шерп, плечом к плечу, быстро посмотрев друг другу в лицо, они одновременно с левой ноги перешагнули границу Стабианских ворот самого изысканного курорта древнего Рима, где праздник жизни был законсервирован на тысячелетие одним зевком ада.

Особо впечатлительным рекомендуется остаться в автобусе. Тем же, кому любознательность – щит и вдохновение, миновать это место нельзя. Маша права – не надо бояться тех, кого здесь нет. Гипс проник в щели и сделал скульптуры из полостей, в которых в муках умерли люди, в которых истлели их тела, укутанные одеялом раскалённого пепла и

камней. Газы из вулкана проникали в лёгкие, и они превращались в жидкий цемент. Второй вдох убивал жизнь мозга. Вулкан-убийца с дотошностью коллекционера сохранил последние душевные движения обезумевших от ужаса или уже смирившихся с неизбежным людей. Гипс проник в щели и заполнил, сделав выпуклыми и объёмными, пустоты, внутри которых закончилась жизни и, наверное, томились заточённые на две тысячи лет души... Души, знающие катастрофу и силу гнева земли, перед которым человеческие эмоции лишь обрывки вот этого осеннего тумана, напозшего с Неаполитанского залива.

Мать прижимает к груди голову ребёнка, чтобы закрыть его рот от яда газов и глаза – от вида адского пламени. Влюблённые сжимают друг друга в объятиях, и в их позе ни капли вожделения, лишь желание не разъединиться в вечности. Они дождались своего часа, их смерть стала началом для нас. Для таких же людей своего века, если с нас станется понять их последнюю волю. Помпеи, законсервированные катастрофой до начала квалифицированных раскопок, стали конвертом этого великого и страшного послания.

Так в чём оно, Маша, в чём? Грандиозное полотно Карла Брюллова в Русском музее будоражит воображение романтиков. Историки, фотографы не устают восхищаться мостовыми эпохи правление императора Тита. Каждому своё. Но всем адресовано нечто общее. Могучие гладиаторы, одновременно звёзды шоу-бизнеса и лучшие бойцы, спецназ сво-

ей эпохи, не сумели уйти от противника, чья сила и беспощадность превосходили их совокупную мощь. Богатые горожане оказались слишком бедны, чтобы купить годное средство для эвакуации из осаждённого стихией города. Самые умелые гетеры, чьи каменные лежа-станки и изображения на фресках лупанария сохранились для далёких потомков их клиентов, не смогли умиловить и унять страсть адского пламени вулкана. На некоторых снимках, которые мы делаем там, в тени портиков древнего города, заметны светлые круги – души тех, кто погиб здесь когда-то? Мистика, история, ещё раз мистика и символ надежды.

Так что вы хотите сказать нам, жители Помпеи? Затихший вулкан над грандиозным археологическим парком. Перспектива ровных римских дорог – доказательство, что умение их строить и обустраивать быт не есть доблесть и достижение капиталистической эпохи. А культ чистого красивого тела – не такое уж богопротивное язычество, о чём в течение полутора тысяч лет мяла мозги прихожан религиозная пропаганда. Гуляя по этим улицам, под синим небом юга Италии, вдыхая ароматы осенних цветов, любуясь зеленоватой бронзой щёк танцующего фавна и жестом увенчанного лавром бога искусств, глядя на сохранившиеся статуи, холодея до озноба сердца при взгляде на гипсовые слепки предсмертной агонии тех, кому не удалось убежать из города... Нам хочется!.. Да, нам отчаянно хочется развеять злые чары, прогнать проклятие. Представить, как здесь всё было ещё 23 августа

рокового года. Как цвели розы в атриумах и колокольчиками перезванивались ножные браслеты, подпевая в ритм шагам очаровательных горожанок. Может быть, для кого-то эти развалины и немы... А для нас?

– Маш, скажи мне, а?... – заговорил он несмело, когда они вошли в раковину античного театра, шурша всё тем же мелким дроблёным камнем.

– Смотри, это чудо!.. – почти крикнула спутница, указывая на самые верхние ступени амфитеатра, засмеялась и бросилась туда по ступеням. В проёме между древних серых камней, ворча и повизгивая, возилась целая семейка бурых вислоухих щенят. Увидев гостью, вся компания с лаем, разевавая розовые пасти, крутя хвостами, кинулась уговаривать её поиграть. Сытые, счастливые, малыши лезли к ней на руки, норовили стянуть рюкзак и чуть не опрокинули навзничь. Захваченная из отеля булка с ветчиной была слопана с энтузиазмом, но, скорее, из благодарности, чем по потребности. За всей этой вознёй наблюдали трое: серьёзный рыжий кобель пришёл с другой стороны амфитеатра, уселся у ног Сергея, выбрав мужчину себе в напарники с целью общего патрулирования и охраны обеих семей, а ещё добродушная пятнистая сука с отвисшими сосцами, чем-то напоминающая легендарную волчицу. Оценив мизансцену, режиссёр потрепал рыжего товарища за ухом и полез по ступеням наверх. Там троим щенкам досталась вторая булка и ломтики сыра с завтрака. Остальные, не занятые булкой, с удовольствием

позировали и попали в кадр вместе с Машей.

– Ты что-то хотел спросить? – она подняла на него лучистые глаза. – Из города во время начала извержения успели убежать только собаки. Согласно свидетельствам очевидцев, вошедшим в анналы Тацита, они позже вернулись и ждали хозяев в амфитеатре. Вой несчастных зверей в течение месяца оглашал окрестности убитого города. Может быть, эти весёлые ребята – потомки тех, кто тосковал по погибшим хозяевам? Стражи места.

Сергей почувствовал холод. Это было слишком похоже на правду.

– Ну, эти точно не выглядят несчастными, – помолчав, улыбнулся он. – Спросить?.. Да, хотел. Нет, не то, не сейчас. Ты специально для них закуску захватила, что, знакома уже с этой гвардией?

Они уже шагали к выходу из парка, на опавшей листве платанов ярко горели кружевные пятна прорвавшихся сквозь кроны солнечных лучей. В Помпеях, спящих вечным сном, в когда-то легкомысленном городе, что стал памятником-напоминанием человеческой беспечности, не умеющей в лени и самолюбовании читать предупреждения небес. Вон он, вулкан-убийца! Его вершина, стёсанная взрывом двухтысячелетней давности, как холка зверя, что дремлет у кромки воды шумной столицы южной Италии. Города, где родилась песенка солдата о первой любви, что пел даже Муслим Магомаев.

– Бутерброды захватила, да... Для них и для нас... – Маша наклонила голову и стала серьёзнее. – Но спросить ты хотел о другом. Давай договоримся на будущее – не стесняйся и не держи в себе вопросы, для этого я сейчас здесь. Попробую ответить. Всё, что с нами происходит, бесценно. Те, кто погибли, завещали нам помнить об этом. Самое ценное, что есть у человека, это время его жизни.

– А если человек остался один, и жизнь ему не мила?

– Так не бывает. Или бывает на короткое время, пока он не очнётся.

– Но ведь предают самые близкие!.. – в его горле появился комок.

– Близкие не предают, – снова сверкнули строгие глаза цвета осеннего моря, – потому, что близкие – не те, с кем садятся за один стол или ложатся в одну постель. Близкие – те, кто тебя любит как самого себя. Хочешь жить в мире с самим собой, с миром в душе и согласии с окружающим миром – в себе самом найди силу отринуть лень, привычку и условности. Решись вернуть их, близких, издалека. И пошли подальше ближний круг лицемеров.

– Ты как контрастный душ – то ангел, то каратель... Тебя слушаешь – можно разрушить жизнь под корень.

– То, что ты называешь жизнью – тот самый гипсовый слепок, каким в Помпеях пустоту залили. Внутри склепа – только призрак. Тех, о ком ты думаешь, нет ни здесь, ни там. А всё, что нажито непосильным трудом... В мёртвом городе

на улице сидит мёртвый человек и держит мёртвой хваткой горшок с деньгами, что никому не принесут счастья. И даже в витрине музея они – всего лишь безобразные черепки. Ты же видел всё это сейчас там!.. Ты создал себе иллюзию миропорядка и вцепился в неё. Очнись же, услышь то, о чём тебя предупредили Помпеи! Спасай свою жизнь. Себя, а не горшок. Там, на твоём горизонте, уже дымится Везувий. Пора принимать решение.

Две упитанные тётушки, стараясь не отстать от гида, на ходу в ладони пересчитывали бумажки и монеты, набирая их на новый билет – в затянутый парусиной павильон с мультимедийной выставкой экспонатов «секретного кабинета» Национального археологического музея в Неаполе. Экспозиция с выездом на место, где артефакты были обнаружены во время раскопок, была, очевидно, организована для дополнительного сбора денег. А новейшая мода на 3D и голограммы позволила не вывозить самые ценные предметы: крупно и выпукло их изображения крутились на специальных экранах. Фавны явно с натугой держали обеими руками напряжённые члены больше собственного роста, нимфы изгибались дугой, подставляя алчущим свои сокровища – путь первобытного вождения. Когда-то давно неаполитанский монарх, придя с семейством посмотреть на извлечённые из-под спуда древности, пришёл в такой ужас, что повелел их запереть в специальное помещение. Как же можно! Такой вызов общественной нравственности, ушат помоев и подрыв

устоев, обвал благопристойности и дурной пример юности, если не сказать хуже – бунт, оргия, мятеж и срам!.. После королевской истерики пускали туда «приобщиться к запретному знанию» лишь особ мужского пола после длительных согласований. Лишь с началом нового тысячелетия музей открыл двери для всех желающих, но, разумеется, со строгим соблюдением возрастного ценза. Теперь – новый поворот. Нега декора античного заведения плотских утех приехала практически на прежнее место прописки. Только в виде огромных объёмных, раздутых до гигантизма изображений. Вот посмотришь на такое орудие производства детей, красно-багровое, налитое бешеной энергией, да ещё размером с водосточную трубу, культурный шок обеспечен... А если ещё ночью приснится?

К кассе «выездного секретного кабинета» с материальной историей для взрослых глаз стояла небольшая очередь. Как же, быть в Помпеях и не посетить? Стыд и позор на всю деревню, в трудовом коллективе засмеют. И не важно, что пластмассовыми копиями античных бронзовых пенисов из музейной экспозиции уставлены все сувенирные прилавки от Неаполя до Пизы. И плевать, что гобеленовую сумку с машинной вышивкой сценки, что срисована со стены древнеримского борделя-лупанария, можно приобрести у мигранта из Сомали на добрую память прямо на соседней железнодорожной платформе. Туризм есть спорт. Поэтому в задачу двух дам сегодня и сейчас входит сделать фото на фо-

не чего-нибудь *такого* прямо в музее. Чего бы это ни стоило. Азарт – сильный наркотик. А Везувий пусть для умников дымит.

Шерп вопросительно посмотрела на притихшего клиента.
– Поехали домой, – произнёс он. – В смысле, в Рим.

Подъехала опрятная итальянская электричка. Усевшись снова рядом со своей спутницей, он покопался в кармане и извлёк конфету. Протянул ей.

– Надо же, – неожиданно радостно и светло улыбнулась она, – Мишка косолапый. Откуда ты это выудил, наколдовал, что ли?

– Нет, – он пожал плечами, – случайно. Задабриваю тебя. Ты строгая по долгу службы такая или это тоже... Как это? Защитная реакция.

– Отхлестала, да? Ну, прости, не рассчитала немного. Просто, когда у человека находится тысяча бытовых причин, чтобы мужественно и стойко с закрытыми глазами топтать в пропасть, приходится хватать его за шиворот, – она развернула фантик, облизнулась, посмотрела на него с озорной искоркой и отправила шоколадную конфету в рот, прожевала. – Строгость, говоришь? Знаешь, я ведь тоже живой человек. Когда становится трудно... В медицине есть такой приём терапевтический для снятия боли – блокада называется. В хоккейном матче травмы так замораживают на время. Больное место как бы ничего не чувствует. Я себе делаю такую моральную блокаду. И каменею. Внешне становлюсь

строже, да, наверное. Но могу продолжать работу.

– Так для тебя это только работа или что-то ещё? Призвание...

– Призвание? – она подняла брови, – не знаю. Может быть. Или способ выжить. На моей работе прежней мне за месяц платили меньше того, что я получаю за командировку на неделю без усложнённого сценария.

– У меня – усложнённый по определению? Не отвечай. Ведь ты обо мне читала досье, надо думать... Я догадался, что ты сейчас неправду сказала. Прости, это часть моей профессии. Режиссёр. Верю – не верю... Начала одно, после чуток вбок свернула. Выжить... Не в смысле денег, правильно?

– Правильно, что тут вилять? – неожиданно непринуждённо сказала шерп. – Помнишь... *Эй, кто-нибудь. Приди, нарушь. Чужих людей соединённость и разобщённость близких душ*¹⁴. Это к нашему разговору. Редко, но бывает... Когда мне выпадает общаться с людьми одной породы со мной, это везение. Поскольку получается не вправление мозгов только им, а улица с двусторонним движением. Помочь им – значит помочь и себе в чём-то разобраться. Идёт постоянный обмен – как между рекой и морем. От вас я набираюсь опыта и нащупываю ответы на вопросы, которые задаю сама себе.

– Хотел спросить тебя ещё об одиночестве... Можно?

– Нет, дорогой мой пациент, – она покачала головой, почти ласково коснулась его руки, – всё хорошо в меру. Пи-

¹⁴ Евгений Евтушенко, «Со мною вот что происходит».

люди надо усваивать строго по расписанию. Ты видел этих девушек, с горстью евро у кабинета эротики? Вот кому не страшно эмоциональное выгорание. А у нас с тобой антракт.

Глава 3

Четвёртый гарибальдиец

В скоростном поезде, летящем на север от Везувия в вечный город, она уютно угнездилась в кресле у окна и довольно быстро задремала с открытым ртом, забавно посапывая. Зеленоватые крыши соборов, бежевый песчаник стен, уютные сенные сараи и пасущиеся у телег лошади. Современный трактор, фырча, тащит за собой прицеп со впечатляющим урожаем тыквы. Целый час кряду, глядя на эту пастораль, он думал, что за полдня, кажется, прожил и получил пищи для размышлений больше, чем за целый прошлый год работы над фильмом, который выломал его из привычной жизни. То есть существования в привычных правилах и ограничениях, что удивительная женщина Маша назвала гипсовым слепком. И ему на память тоже пришли стихи. Строки, которые он в полудрёме слышал, погружаясь в дрёму под мягкое покачивание вагона. Строки, произнесённые тихим голосом автора этих строк. Однажды услышанные. Они в его грёзе повторялись вновь и вновь, переплетаясь и танцуя в обнимку с другой мыслью, что уже не давала ему покоя... Всё-таки где-то он её видел. Её, Машу... Кажется, её звали иначе, звонче и краше. Слышал, видел!.. Видел. Это движение руки, когда она перехватывает алым бархатом простенькой

резинки белокурый хвостик волос, эту улыбку. Разве что, во сне он слышал, как хрустальный колокольчик её смеха замолкает, а стальная воля взрослой женщины выкатывает вперёд гаубицу спокойного и беспощадного тона... «Ты так похожа на Ларису Удовиченко!». Когда, кому он это говорил? Это было лишь однажды в его жизни. Но память вероломно насмехалась, задёргивая плотную кулису. Не время тебе туда. Не время.

*«Есть мистика. Есть вера. Есть Господь.
Есть разница меж них. И есть единство.
Одним вредит, других спасает плоть.
Неверье – слепота. А чаще – свинство.
Бог смотрит вниз. А люди смотрят вверх.
Однако, интерес у всех различен.
Бог органичен. Да. А человек?
А человек, должно быть, ограничен».*¹⁵

Надо же... Очередь на выставку фаллосов и обычной порнографии. И в группах немецких туристов, английских эстетов, следующих путём Байрона, и путешественниц отечественного разлива, очевидный ажиотаж. Быть и там не побывать? Стыдно... Стадное чувство в классическом исполнении. Вазы с античной порнографией в Помпеях или Ван Гог в Амстердаме: им всё равно, становятся в очередь. Надо быть как все, не хуже, чем у других. Массовый культурный

¹⁵ Иосиф Бродский.

продукт эти травоядные сжуют так же, как любую пропаганду. Сказать – мне противно, я не хочу? Для этого надо иметь смелость бросить вызов бодливому дремотному обществу, а если хватит сил – ещё и увлечь их за собой, наступив на экономические интересы гида или любого прежнего пастыря. А не будет ли им, этим толстухам, стыдно перед мужьями, отцами и сыновьями рассказывать о том, где они провели два часа после выполнения основной прогулочной программы между сакральных руин города Помпеи? Впрочем, стыд, наверное, дело сугубо индивидуальное. Если грипп не даёт поднять головы, стыдно просить старика-отца принести молока и хлеба, ведь ему для этого придётся тащиться через весь город. Стыдно и горько до слёз, но ведь больше попросить некого... Одиночество – самый страшный враг для любого человека. А ему, здоровому и умному мужику в расцвете сил, не стыдно ли жалеть себя из-за того, что свора богатых бездельников узнала в его фильме своё уродливое отражение и зашла в злобном трусливом лае? Не стыдно ли надевать тёмные очки из опасения, что простые русские бабы узнают его на улице Рима, начнут благодарить за его творчество и с горячим восторгом просить вместе сфотографироваться? Ведь это его зритель. Не его уже давно не благоверная супруга. А зритель, для кого он работает. Стыдно. Слюняй, тряпка... Может быть, ещё покаяться перед клубом паразитов, называющих себя посвящёнными в высокий эстетизм? Да ни за что. И не он ли сам виноват в том, что

простые русские бабы остались стоять в очереди за фаллосами в 3D, а не взяли стоячие места на оперу Аида в декорациях терм Каракаллы. Хорош, защитник культуры нации. Расклеился, как брошенная кокотка, да ещё и няньку себе нанял, сопли утирать. Хватит. Запой окончен. Лейтенант Беспалов, подъём, выходи строиться! Равнение на середину.

Условия контракта предусматривают возможность корректировки ряда услуг шерпа в любой момент. На тот случай, если клиент пришёл в себя, ему просто требуется гид-переводчик, а не собеседник-психолог. Консультант в Follow me объяснил ему, что такое бывает нередко. Тогда режим программы меняется с усложнённого на стандартный, с его депозита списывают меньше средств. Хотя сами шерпы не в убытке. Гонорары меньше на сущую мелочь, зато нервы и силы целее. Но он ничего менять не станет. Маша. В ней дело.

На чём мы с ней остановились? Права ведь. Чем была его заполненная софитами, дизайнерскими диванами и фарфоровыми улыбками жизнь? Она права, это гипсовый слепок пустоты, внутри которой умерло всё живое. Или не жило никогда? Нет, всё-таки было светлое, яркое, свежее. Давно. Очень.

Вот об этом и хочется поговорить. И не только об этом. С ней.

*Рим, площадь Пятисот перед вокзалом Термини,
16.27*

Перекрёсток широкой Via Marsala возле главного вокзала итальянской столицы переходила ширококостная дама с кривоватыми ногами под серой юбкой чуть ниже разбитых артритом колен. Автомобили, проезжая на свой законный зелёный свет, притормаживали, уважительно уступая ей дорогу: на обмотанной синей шалью голове крестьянки громоздился огромный тюк. Не обращая внимания на свист полицейского, она неторопливо с достоинством завершила форсирование автомобильной реки и направилась к платформам поездов поперёк через скверик, так же спокойная и безучастная к толкотне и подозрительным типам возле переполненных урн. Солнечный погожий день постепенно гас на черепичных крышах соборов, весело играл в отражениях коралловых лучей в стекле окон. Где-то в вышине покрикивали чайки.

Выходя из скоростного поезда, шерп вежливо улыбнулась Сергею в ответ на протянутую им руку, позволила ему помочь себе выйти, потом, уже на платформе, притормозила и сощурила глаза, присматриваясь к оранжевым указателям выходов и направлений. Подняла указательный палец.

– Нам туда, синьор... Ты хотя бы выспался после перелёта? Голодный?

– Может быть, возьмём такси до ресторана... – неуверенно сказал он.

– Обойдёшься, барин! Покажу, что жить можно и вне твоих привычек.

Вот, даёт... Она что, мысли читать умеет? Чем дальше, тем интереснее.

– Basta, Andrea! Lasciami in pace, vado io...¹⁶

Мятые субъекты в привокзальном сквере, умываясь у колонок, с заметным удивлением сторонились, пропуская её, уверенно шагающую к автобусам. Рюкзак за плечом, тонкая кожаная куртка, обтягивающие джинсы. Серая бейсболка, пережившая дождь и солнцепёк. Девчонку, похоже, прямо с поезда выловил старший брат и конвоирует, а она его присутствием, явно тяготится, просто искрится от раздражения, вон, как глазищами сверкает. Пивную банку поддала ногой. Не хватало нам ещё их скандала тут, в нашем скверике. Полиции только повод, разбираться не будут. Скорее бы уж ушла эта парочка, от греха подальше, со своими разборками...

– Приятного путешествия с пролетариатом! – она подмигнула своему «старшему брату», устроившись на высоком сидении в автобусе номер сорок, что быстро заполнился простым римским людом, возвращающимся с работы по своим делам. Галдёж, запахи подгоревшего теста и отработавших смену мужских рубашек. Темнокожие подростки с закрытыми глазами качались в такт только им слышной мелодии из наушников, а похожие на паклю синие и фиолетовые косы вечерним ветерком сдувало им на лоснящиеся лица. Вопль какого-то пассажира с передней площадки на мгно-

¹⁶ Хватит, Андрей! Оставь меня в покое, сама пойду (итал.)

вание привлёк внимание всего автобуса, но пассажиры прислушались и успокоились, хотя источник возмущения продолжил заполнять своим голосом всё кругом. Речь шла о замене защитника на поле, о чём темпераментный римлянин узнал от приятеля по телефону. Футбол – это святое. Как мама, погода и роды жены.

– А куда мы едем, чичероне? – аккуратно, на ушко спросил Сергей.

– Справился, стало быть, с приступом брезгливости? – засмеялась шерп и ответила ему тем же заговорщицким тоном, – угостишь меня мороженым? Самым вкусным в Европе... По два с половиной евро за шарик. А я в награду расскажу тебе одну притчу и одну историю из жизни. Хочешь?

– Договорились. Только при условии, что ты съешь четыре шарика.

– Коварный! И заболелю ангиной, чтобы меня сняли с пробега, и тебя не ругали больше, а только хвалили и поощряли твои капризы, синьор помидор? Не дождёшься. Так вот, слушай. Сначала история из жизни. Поучительная. Одна моя знакомая журналистка записала в друзья в социальной сети некоего известного общественного деятеля из Иерусалима. Наяву его она никогда не видела, израильской тематикой по работе не занималась, еврейской крови в её жилах не было ни капли. Однако его выступления в поддержку России и взвешенный анализ некоторых международных проблем ей импонировали. Проще говоря, его посты было интересно чи-

тать! Что такого? Но буквально на следующий день её из друзей удалил коллега, собственный корреспондент её телерадиокомпании в Тель-Авиве, с кем ещё на родной земле был съеден вместе пуд соли. Чуть погода – знакомый театральный режиссёр, чей театр и сценические постановки она многократно поддерживала положительными отзывами. И тому, и другому в личных сообщениях она задала вопрос, мол, ребята, что случилось? Ответа не дождалась. Спустя некоторое время в той же социальной сети она получила приглашение на лекцию этого деятеля из Иерусалима и крепко задумалась – идти или нет, коль скоро интерес к нему рвёт более устойчивые связи. Как ты думаешь, что было дальше?

– Даже представления не имею... На её месте я бы посоветовался.

– Она так и поступила. Обратилась к близкому ей человеку, который в этот момент находился далеко от неё, работал в нашем посольстве в одной из среднеазиатских республик. Он навёл справки. И в результате она получила чёткую рекомендацию: сохрани нейтралитет, дабы не огрести в чужом пиру похмелье. Дело было в конфликте кланов, у умнейшей нации с этим сложно.

– Это кульминация, – режиссёр поднял глаза на любителя футбола, что обрадованно проорал что-то в мобильный и двинулся к выходу – А развязка? Если бы я снимал об этом фильм, логично было бы её другу вернуться домой и стать министром культуры. А ей – госпожой министершей. И за-

ставить их всех локти кусать... Поздно, Соня, пить боржоми, когда почти отвалились.

– Мораль той басни такова... Увильнув от мероприятия с израильским политиком под благовидным предлогом, она ничего не потеряла в его глазах. А бывший коллега её и коллега твой потеряли куда больше. Они показали свою заносчивость и недалёковидность, потеряв её расположение. Ни слова больше в рецензиях, ни слова больше в корпоративных контактах к вящей их пользе она не произнесла. Это – на поверхности. А по сути, если человек не понимает, почему им не довольны, не объяснить ему, не попробовать сразу устранить недоразумение – это свинство. Это – наказуемо. Даже героине «Чучела»¹⁷ её одноклассники предъявили обвинение в предательстве, прежде чем начать бойкот. Но у неё хватило гордости не начать оправдываться.

– Дети более жестоки, чем взрослые. Они не идут на переговоры, – ему показалось, что из открытого окна римского автобуса дохнуло промозглым московским октябрём, – а оправдываться – признак слабости. Это правда.

– Дети – максималисты. Они сбиваются в стаи от страха перед миром больших и сильных. Поэтому на всякий случай объявляют врагом всякого, кто становится им в оппозицию.

¹⁷ «Чучело» – повесть Владимира Железникова о шестикласснице, сумевшей выстоять против травли одноклассниками после того, как она взяла на себя чужую вину. Фильм, снятый по этой повести режиссёром Роланом Быковым, стал событием позднего советского кинематографа, показав жестокость нравов школы.

Тот, кто начинает метаться – погиб, его-то юные гиены разорвут, едва почуют вкус крови. В подростковом возрасте все читали завет д'Артаньяна, но не все его поняли. . . Помнишь, как он ответил Ришелье на предложение принять чин лейтенанта гвардейцев кардинала?

– На меня плохо посмотрели бы там, и плохо приняли бы здесь. Ваше высокопреосвященство, я не могу, – представив на мгновение последствия своего покаяния перед элитой шоу-бизнеса за сериал-обвинение против них, режиссёр снова почувствовал липкий противный озноб. – А бывает и хуже.

– Конечно, бывает, – спутница легко толкнула его в бок, давая сигнал выходить на следующей остановке. Слева по ходу оживлённого проспекта Corso Vittorio Emanuele вырос впечатляющий купол собора святого Андрея. – Если экстремизму «знающих, как правильно» дать распоясаться, сработает иной сюжет – «Повелителя мух»¹⁸. . . Кстати, это один из титулов сатаны.

– Погоди, это про необитаемый остров, где дети войну начали? – в раскрывшиеся автобусные двери весело выскакивали смешливые студентки, на них едва не замахнулся палкой седовласый пожилой синьор в шляпе, кого они сами ед-

¹⁸ Повелитель мух – аллегорический роман лауреата Нобелевской премии Уильяма Голдинга повествует об английских детях, которые на необитаемом острове сначала пытались сохранить культуру и правила своей нации, а потом разделились на два воюющих племени. Роман-предостережение напоминает об опасности закрывать глаза на проявления фашизма.

ва не сбили с ног в своей юной стремительной суете.

– Лагерную жизнь они там устроили, те, кто взял под контроль скалу для разведения костра. И первым погиб самый добрый и безобидный. За что его убили, помнишь? Не за что, а почему. Примирить всех хотел, – взяв под руку на переполненной публикой улице, шерп увлекла своего подопечного в паутину старинных проулков, звенящих тонконогими бокалами с кьянти, пахнущих восхитительной вечерней пастой открытых ресторанов. На Рим спускались фиолетовые сумерки – самое романтическое и живописное время суток, когда золотые блики зажигающихся фонарей кажутся медальонами на драгоценном бархате неба. – Довольно об этом. Как говорил Макар Чудра, задумаешься, разлюбишь жизнь.

– Так ты считаешь, что выскочек просто по морде надо?

– Самозванцев? А как иначе. По морде лица. Одному самому наглому дашь в морду, остальные разбегутся. Всем своим элитарным клубом.

– Но это, как я понимаю, аллегория. А на практике... Что советуешь?

Шерп остановилась. Перед ними, сияющая бликами зеленоватой воды, бриллиантовая и бирюзовая, серебряная двойной колокольной фасада церкви Sant'Agnese in Agone, шумящая струями и гомоном двенадцати языков, сияла piazza Navona. Фонтан четырёх рек, облепленный позирующими туристами, одно из самых известных произведений великого Бернини, его вид и его близость как по волшебству

переключили в сознании Сергея тот тумблер, который до сих пор сдерживал в узде застоявшиеся эмоции.

– Ух, ты!... Красота-то какая... Мамма мия... Маш, а Маш?

– Слушаю вас, синьор? – она сдёрнула с плеча рюкзачок, улыбаясь, сунула туда кепку, белокурые волосы свободной волной легли на плечи. Он вдруг остро почувствовал – эта девушка из его снов... Или *deja vue*¹⁹?

– Шехерезада, заканчивай дозволенные речи. Гуляем! Ответь мне на один последний вопрос, – его голос зазвенел, мускулы рук напряглись, ему уже хотелось подхватить на руки свою загадочную проводницу. – На тот самый извечный второй российский вопрос после «кто виноват»...

– Что делать? – сверкнули в улыбке казавшиеся теперь синими глаза, чуть лукавая девчоночья улыбка.

Где? Где и когда он уже видел этот ясноглазый прищур?

– Мне кажется, тебе надо снять продолжение твоего сериала, – серьёзно сказала она и почему-то вздохнула. – Этого, последнего.

– Продолжение?... – он едва не лишился дара речи, а она, как ни в чём ни бывало, оперлась на его плечо и пошла, легко и ловко перебирая ногами, по самому краю мраморного

¹⁹ *Deja vue* – дежа вю – уже виденное (франц.) – психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации, однако это чувство не связывается с конкретным моментом прошлого, а относится к прошлому вообще. Термин впервые использован психологом Эмилем Буараком в книге «Будущее психических наук».

фонтана. В спортивных тапочках, на пальцах, словно балерина в пуантах. Лёгкая, воздушная, словно из иного мира.

– Да! Продолжение... Сергей, послушай. В наше время, когда трусость называют способностью к разумным компромиссам, а предательство и продажность – следованием цивилизационному выбору... Короче, в какие бы одежды вся эта гнусность ни рядилась, надо иметь большое мужество и самоуважение, чтобы поступать, как велит совесть. Ты – мужчина. Имей силу молчать, когда тебя пытаются. И не отвечать, когда тебя ругают. И не отречься от того, что твоё... Знаешь, восточная мудрость – собаки лают, караван идёт. А люди, что поступают с нами некрасиво. Знаешь... На востоке говорят: пыль на дорожном плаще – она не твоя, отряхни её. Грязь на колесе твоей повозки – не твоя, она сама отвалится. Но будь внимателен и сумей увидеть, когда в этой грязи сверкнёт золотая монета. Не бойся остаться одиноким – Бог никогда не оставит тебя одного, пришлёт ангела. Если ты заслужишь это, выдержав испытание. А совсем один ты останешься лишь однажды в своей судьбе – когда предстанешь перед Богом...

– Похоже на тост!.. – брызги фонтана заставили его зажмуриться – ты как на счёт самого лучшего красного вина из их подвалов? Ангелы его пьют?

– Хвастун! – шерп наконец-то слезла со скользкого мрамора – не надо выпендриваться, закажем просто домашнее розовое. То, что ты никогда не пробовал. Его итальянцы

оставляют для себя и своих любимых и с особым почтением относятся к тем иностранным гостям, которые об этом знают и то же заказывают. А если нет... Сицилийское Nero d'Avola. Коварное и густое, хотя в него не добавляют сахара. На жарком юге виноград начинает бродить прямо на лозе... А мне – шоколадное мороженое. Тоже дань традиции.

Площадь Навона. Девять вечера местного времени

– Ты считаешь, если я сниму сериал... Ещё более обличительный, чем тот, что их так взбесил и заставил огрызаться... Но я остался в изоляции.

– Ты первый бросил им вызов. Сказал, как князь Игорь половцам – иду на вы. А теперь что же, простите-извините, погорячился? И тебе сразу торт с кремом, ласки и внимание? Наоборот, проявишь слабину – пожалеют тебя, жалкого... – за накрытым красной в клеточку скатертью столиком открытого кафе они ждали заказ. Шерп, набросив на плечи плед, сидела напротив, чуть отдалившись, и с явным удовольствием облизывала вафельный рожок с двумя шариками самого вкусного в Европе мороженого – киви и шоколад. – Жалость – первый шаг к презрению... А изоляция – это иллюзия. Помнишь финальный эпизод из старого фильма про адмирала Фёдора Ушакова? После смерти Потёмкина командующим Черноморским флотом становится враг адмирала, светская гнида граф Мордовцев. Победителя турок вызывают к нему на доклад, и граф, трясясь от злорадства,

учит Ушакова своим новым порядкам на флоте: «у офицера есть голос, у боцмана дудка, а матрос – только предмет для исполнения команд». Унизительно? Что делает Ушаков? Он на глазах у графа обнимает своего матроса и уходит, не оборачиваясь...

Он слушал её, затаив дыхание. Пальцы, обхватившие бокал красного прохладного вина, начали неметь. Ушаков. Любимый фильм курсантской юности. Тогда ему было интересно смотреть, как ломает турецкий флот наша эскадра, развернувшись в походном ордере. Как потешно-омерзительны украшения алжирского адмирала Саида-Али, давшего обещание султану привезти Ушакова в клетке. Матросы поливают забортной водой раскалённые пушки, пылают паруса...

– Помнишь этот фильм, да? – понимающе улыбнулась шерп, глядя ему в глаза особенным кошачьим взглядом, словно изучая его, усиливая магию сумерек осеннего римского вечера, – разгневанный, мрачный, в совершенном одиночестве адмирал выходит на набережную и идёт куда-то вперёд. Но его тут же догоняет командир его флагмана и молча следует рядом. Знакомые матросы, бомбардир, спасённый им плотник... Идут за ним, молча, сурово. Потом людей ещё больше, и ещё, обычные люди, рыбаки, женщины. И вот уже всё население Севастополя приветствует Ушакова как героя. Штирлиц учил: запоминается последнее. Сегодня мы больше ни о чём таком говорить не будем. А ты подумай сам с собой: ты с кем, художник? С карикатурным графом или мат-

росами Севастополя? Я ответила тебе. Теперь отвечай ты.

Он молча поднял бокал, жестом приветствуя даму, и выпил залпом. Обычное красное сицилийское вино, какое даже в московских продуктовых можно найти рублей за триста. И подумал, что ничего более изысканного и вкусного ему пробовать давно не приходилось ни на модных дегустациях, ни на приёмах, где выпивка не дешевле вечерних туалетов присутствующих. С дальнего конца площади из-за плотного потолка мольбертов с пейзажами и натюрмортами уличных художников раздавалось нестройное пение.

Маша... Удивительная женщина. Балансирует, как там, на скользком мраморе кромки фонтана, подсказывая путь, но оставляя выбор. Просвещает дозированно, заставляя думать самостоятельно. Вертится что-то буквально на поверхности памяти... Да, точно. «С кем вы, мастера культуры?»²⁰ Это письмо Максима Горького. Сейчас бы его назвали гнусным пасквилом на их этическую свободу и эстетическую независимость.

Он усмехнулся, глядя, с какой милой непосредственностью спутница выковыривает ложкой из кофейной чашки остатки сахара. Быстрый взгляд зорких голубых глаз. Не на него – в дальний конец площади, где усилился гвалт и раздался звон разбитого стекла. Шерп... Ещё и телохранитель?

²⁰ «С кем вы, мастера культуры?» – письмо Максима Горького в ответ американским корреспондентам, где он констатирует, что «в области искусства буржуазию вполне удовлетворяет коллекционирование почтовых марок и трамвайных билетов, в лучшем случае – подделок картин старинных мастеров».

Это успокаивает, можно даже додумать мысль... Как там было, у Горького, во ВГИКе билет с этим вопросом стоил ему нервотрёпки с передачей зачёта по культурологии. Впервые открытое послание было напечатано весной 1932 года одновременно в «Правде» и «Известиях». Ехидно, но метко. А главное, и сейчас актуально. Так называемая буржуазия, капиталистическая элита, в современной России не отличается от заокеанской в своих увлечениях. Всё, что стоит денег, коллекционирует только потому, что это стоит денег, а не ради спасения мира в душе красотой. Горький пишет – трамвайные билеты и почтовые марки. А что, разве комиксы и расписки Монро не срывают джек-пот на аукционах? Картины, нарисованные слонами и дегенератами... Добро пожаловать в галереи современного искусства. Как там ещё? На счёт *касты безответственных хищников* Буревестник, конечно, хватил через край. Однако нервные реакции «избранной публики» отобразил в точности: «за последние два-три года тревожные крики интеллигентов стали обычными». Всё-таки, добротнее было позднее советское высшее образование: учило искать нужные ссылки и источники, не совершать чужих ошибок, пользоваться опытом испытавших похожие сомнения и не изобретать моральный велосипед. С кем вы, мастера культуры?... Да жива ли она?

На другом конце площади раздался шум и грохот. Маша привстала, пытаясь рассмотреть за спинами посетителей ресторана и мольбертами, что там происходит. Ничего выдаю-

щегося. Хлопнул раздавленный картонный стакан под остывшейся ногой полупьяного гуляки. Там обнимаются, держа в руках ёмкости с пивом, на шеях заметны шарфы с футбольной символикой. Опустила глаза, заметила, что её пациент смотрит в одну точку, задумчиво поворачивая в пальцах коктейльную соломинку. В её бокале, кстати. Сбоку подскочил шустрый стюард, вопросительно посмотрел на неё, кивнул. Даме поставил накрытую крышкой обжигающую лазанью, кавалеру – заказанное филе ягнёнка под устричным соусом. Привычка, вторая натура... Он этим собирается утолять голод? Ничего, пока жуётся, легче думается.

Сергей взял в левую руку вилку... И на фига он заказал эту дребедень? Лучше бы нормальную миску спагетти карбонара. По-нашему, макароны по-флотски, только с томатным соусом и сыром. Покрасоваться захотелось. Не смешно, глупо. На пустом месте разводить снобизм, демонстрировать свою гастрономическую искущённость перед этой здоровой славной женщиной. Но, тут уж... Пушкин. *Привычка свыше нам дана, замена счастьем она.*

Элита. Обличил её. Покривил душой? Нет. Так нечего и пенять, вилять хвостом, выпрашивая прощение. Не простят всё равно, задушат ледяным и презрительным забвением. Сотрут и вычеркнут. Так, для подстраховки. *Чтоб другим еретикам неповадно было.* Так ему что делать? Раненый зверь опасен. Огрызается, атакует. Добить его в голову. Контрольным. Вторым сезоном сериала. Дать такой ответ –

с кем он, мастер культуры. Возмущённые эстеты Заткнутся моментально? А что говорить-то. Хоть всем лупанарием выходите ласки обещать, вулкан уже не дымится. Он извергается. Населению сурового матросского города, что идёт за адмиралом, их антикризисные премудрости и мажорные гонки уже поперёк горла. Терпение долго дымилось. И сгорело. Значит им, самопровозглашённой соли отечественной буржуазии, полезнее подумать о том, чтобы слиться с духовными братьями по цивилизационному выбору. И чем быстрее будет ехать такси до Шереметьева, тем лучше.

А ведь началось уже, началось!.. Там, в балованной Москве некоторые граждане со смесью страха и самолюбования пакуют чемоданы, не забывая при этом корчить из себя незаслуженно притесняемых. Мания преследования на вполне расчётливой прагматичной основе. Чувствуют кошки, чьё мясо они съели... Он вспомнил фразу, брошенную в полемическом возбуждении пару недель назад одной звездой свободного радио: «Патриотизм отвратителен, он упрощает человека и лишает его разума»²¹. Это у них называется токсичные реплики. Плюнула ядом и бегом жаловаться к главному редактору, умолять о срочной эвакуации. Страшно стало ей по улицам ходить, там ведь простые люди попадают, без её рассудочных парадигм.

²¹ «От слова «патриотизм» тошнит уже какими-то червячками и вишнёвыми косточками. Я не люблю родину (Родину) давно и убеждённо. Патриотизм разрушителен, он ничего не создаёт. Он отвратителен, он упрощает человека и лишает его разума» – из выступления журналиста Ксении Лариной на «Эхо Москвы».

Не снять ли продолжение сериала об этом? О прослойке и культуре. О том, что в министерствах даже кактусы стоят дороже средней зарплаты по стране, а о том, как женщина в пятьдесят пять на артритных ногах едет на работу через весь город, и до пенсии боится не дожить, думать не умеют.

Рискованное решение? Безусловно. Можно проиграть? Можно. Но тут уж как повезёт – или грудь в крестах, или голова в кустах. Съехать в тёмное ущелье безысходности на попе, это дело нехитрое. Но можно разбежаться и попробовать перепрыгнуть пропасть. Даже рождённый ползать должен хоть один раз попробовать взлететь. Тоже, кстати, ранний Максим Горький.

От дальнего фонтана послышался нарастающий шум, пронзительно завизжала женщина, с дребезжанием рухнул на камни поднос, что-то ярко сверкнуло, почувствовался противный запах горящего масла. На фоне этой кутерьмы внушительно и многообещающе прогремел русский мат. Движение каких-то силуэтов уплотнилось и ускорилось. Раздался деревянный треск.

– Сиди на месте, сам посмотрю, что там... Счёт закажи пока, – курсант военного училища, стряхнув пудру многолетнего лоска, распрямил его плечи и жестом усадил спутницу обратно в кресло. – А вдруг там наших бьют?..

Оставив на всякий случай пиджак на спинке, он прикусил зубочистку и пошёл, руки в карманы, на знакомые до боли в русском ухе звуки разборки. Шерп посмотрела ему вслед с

иронической усмешкой... Сняла с шеи кулон, вытащила из рюкзака планшет, соединила два устройства портом USB. На экране замигало приветствие, появилась растущая зелёная колбаска объёма скачивания. Это был уже второй файл записи всех переговоров с клиентом, утреннюю порцию она отправила ещё из обратного поезда от Неаполя до Рима, пока подопечный мирно посапывал на соседнем сидении. Диагностика «ладонью перед носом» – спит или не спит – показала безопасность тайной манипуляции. Можно немного расслабиться, пока он там рекогносцировку проводит... То же мне, наблюдатель от ОБСЕ. Она вытянула через трубочку остатки ананасового сока и достала другой гаджет. Свой смартфон. Личный.

Три сообщения в WhatsApp из конторы и три пропущенных звонка. Сначала надо разобраться с делами. Так, это реакция на первый аудиофайл.

«Расшифровку шефу сдали. Прочёл, доволен. Отличная работа. Велел передать, что неплохо бы создать повод засветить объект в социальных сетях. Мол, не в монастыре грехи замаливает, а замечен римских банях».

«Только не лезьте на рожон. Особая бдительность, начиная с завтрашнего вечера. В черте города возможны столкновения профсоюзов с анархистами. Полиция повысила уровень террористической опасности».

От психолога – самое длинное: *«Обрати внимание клиента на статью в наших «Известиях», там про него пишут*

как на предтечу перелома в публицистическом тренде. А для тебя хорошая новость: шеф проиндексировал твою работу в Риме коэффициентом 1,75 дневной ставки усложнённого сценария. Из Детского мира передают сердечный привет, сама не знаю, что это значит. # Шеф предложил тебе в качестве поощрения задержаться в Италии. На целую неделю только перевод – пляж и рестораны. #♪ Сицилия, Таормина!.. Даже зависть берёт. Та же знакомая тебе пара полковник с молодой женой. И его чудный охранник. О!»

Она улыбнулась, включила сенсорную клавиатуру, набрала «беру, и передай шефу вводную напомнить мне поменять рейс на прямой из Рима». Не стоит сейчас возвращаться в Москву, лучше пару дней за свой счёт там, в игрушечном городке с керамическими головами мавров, откуда растут розы. После работы с этим клиентом собственные нервы надо будет отмыть и вытряхнуть от пыли прошлого. Просто побыть в тишине. Всё к лучшему. Чем бы ни закончилась эта командировка...

Переведённый на вибрацию смартфон сердито завибрировал. Экран ожил предновогодней улыбающейся фотографией Юльки.

– Карина, ты как, что с тобой! Я тебе уже четвёртый раз набираю... Ты вообще жива, ты где, почему не отвечала? У меня виза есть, вылетаю... Ты? Да, конечно, он тебя узнал... Шантажировал, да? Приставал? Ты в каком сейчас отеле, я только мужу ключи отдам, он на дежурство поехал. Карина!

Ты только не волнуйся, мы вместе что-нибудь придумаем. Я скажу, что это я!

– Юля! – ей пришлось повысить голос, чтобы остановить ураган. – Всё нормально, успокойся. Он и не собирается меня узнавать. Весь в себе, как крот ковыряется в своих сомнениях и колебаниях.

– Что, прямо такая тряпка? – засомневалась подруга. – Не ожидала.

– Какой есть, – со всей возможной искренностью сказала шерп, ведь преданная наперсница за целую жизнь научилась угадывать её актёрские ухищрения, – сейчас я его, разумеется, накачала... Оглянись, мол, Сергей! Ты велик! За тобой, вон, тысячи глаз следят, жаждут твоих новых фильмов. А ты этой своры мосек смутился. Он поверил, ноздри раздул. Сейчас он герой. Вон, футбольных фанатов даже не испугался пойти разнимать. Но это сейчас, пока всё свежо, и пока я рядом. А выспится, пропотеет, домой вернётся. Жена или кто другой ему другую колыбельную споют, велят – брысь под лавку. Он опять труса и сыграет. Личность такого его склада нестабильная в эмоциях, склонна к рефлексии, самолюбованию, значит, легко убеждаема и слишком зависит от чужих мнений. По-русски это – говно в проруби.

– Мне моя интуиция подсказывает, что это не совсем так, – задумчиво проговорила трубка, – ты не объективна к нему. Тебе хочется нарисовать его акварелью. Мол, ещё повезло, что у вас ничего не вышло. Ну, не может, не сможет

человек снять такую сногшибательную вещь, если он пустое место! Ты мне не говори... Давай я приеду, а? Пронаблюдаю за ним. Всё-таки я очень боюсь, что он тебя узнает, и вы сильно поругаетесь.

– Юлька, уймись. Приедет она... Всё, что ты хотела, ты мне сказала. А я тебя услышала. Не присматривается он ко мне, пойми. На уборщиц никто внимания никогда не обращает. Я для его – обслуживающий персонал, птица говорун, чуть дороже личного шофёра. Развеется, на время поверит в себя, а вернётся в Москву... Там, дорогая моя, тем более! Там я для него – пластический хирург, что его уродливую мину видел без грима... Даже если случайно увидит – убежит без оглядки.

– Карина, Карина!.. – сопротивлялась Юля – не сгущай краски!

– Поверь, я объективна как полотёр!.. – усмехнулась психолог. – Как там у классика?.. Я – зеркало, в котором его самовлюблённая гордыня отражена во всём уродстве²². Поэтому он не Карину, а уже Машу постарается как можно скорее стереть из памяти самым большим и самым резиновым ластиком... Тем более, что в нашей шикарной столице и ему быстро вернут шкуру обслуживающего персонала. В этом российском сегменте обслуживания олигархов и космополитов... Всё, слушай, у меня файл закончил скачиваться. Обещаю, позвоню завтра сама.

²² *Lone de Vega*, «Собака на сене», реплика Теодоро.

– И всё-таки не спеши с выводами, – посоветовала подруга. – Увидишь, всё не так, как тебе сейчас кажется. С любым человеком может произойти...

– Что произойти? – ей почему-то показалось, что устами Юли говорит иная, таинственная и всемогущая сила. Или это влияние римских сумерек?

– Перерождение может произойти. С любым. Архимед говорил – дайте мне рычаг, я переверну мир? Некоторые встречи в жизни меняют целый мир для человека... Карина, держи себя в руках. Тогда всё будет как должно.

Смартфон мигнул и высветил строку окончания вызова. Никогда так не было, чтобы болтушка, темпераментная и добросердечная, сама закончила разговор, первой повесила трубку. Что это было, проявление магии вечного города? Голос был её, Юлькин, знакомый с того самого пуда соли за одной партой. А говорила она сама, или её устами говорили? Карина провела рукой по лицу. Наваждение. Наверное, она сегодня слишком сильно устала.

Обаятельный, подвижный, к ней с улыбкой, почти танцуя на ходу ради прелестной белокурой синьоры, подскочил официант с терминалом для платёжных карт и маленьким подносом для счетов. Шерп набрала цифры кода подтверждения, положила на терминал купюру в пять евро и поманила парня пальцем. Когда тот склонился, заговорила что-то быстро, напористо в самое ухо... У парня открылся рот от удивления, но он понимающе кивнул, снял со спинки стула

пиджак Сергея и стремительно удалился вглубь кафе.

Шерп повесила рюкзак за спину, застегнула куртку до самого горла и двинулась в южный конец площади, к фонтану Мавра. Вокруг мраморного бассейна, украшенного трифонами и масками, что ещё в шестнадцатом веке по приказу папы Григория Тринадцатого использовался для обеспечения питьевой водой этой густонаселённой части столицы, сейчас располагались столики временного питейного заведения. А страсти кипели средневековые. Стенка на стенку? В закипевшей схватке силы были неравными: опытный кочующий отряд в шарфах Manchester United²³ атаковал поклонников клуба Roma, принимавшего островитян на своём стадионе с товарищеским матчем. Будучи готова к хулиганским выходкам, полиция блокировала основную часть гостей возле арены на окраине, но всё же отдельные группы добрались до пивных заведений в центре. Тот самый горожанин из автобуса, зажимая рукой разбитый до крови нос, орал во всю мощь уже не про замену правого полузащитника, а отчаянно призывал помощь:

– Aiuto, chimi la polizia!.. Aioto...

От лёгкой мебели из алюминиевых трубок уже мало что осталось. Её разобрали на запчасти английские футбольные фанаты, атакующие в составе дюжины или более, увидевшие

²³ Манчестер Юнайтед – английский профессиональный футбольный клуб из Стретфорда, основан в 1878 году, один из основателей английской премьер-лиги. Его фанаты известны своей агрессивностью.

в болельщиках принимающей итальянской стороны лёгкую добычу и одновременно объект своей ярости. Итог свалки мог бы оказаться для местных неутешительным в части поломанных рёбер и не смываемого позора, если бы в запале одного из обороняющихся не стали бить ногами и не затолкали... Под столик троицы русских мужиков из мирного города Кирова, культурно отдохавшей за пивом под куриные крылышки. С столика, перевернувшегося от толчка, посыпались тарелки с закуской. Всё произошло настолько стремительно, что добрые молодцы не успели толком рассердиться.

– Эй, ты живой там? – невозмутимо стряхнув с футболки репчатый лук, один из русских извлёк из-под клеёнчатой скатерти избитого итальянца. Его товарищ, косая сажень в плечах, сгрёб нападавшего хулигана одной левой и вlepил ему в челюсть пудовый вес своей карающей длани. Второму драчуну его английский шарф затянули на шее так, что у сакса посинело лицо.

Восстановив справедливость, русские спокойно поставили столик как было и сделали знак официанту принести ещё пива. Но генетическая память портовых громил Ливерпуля, подогретая выпитым, не могла стерпеть отпора. От группы англичан, почти уже смявших поклонников римского клуба, отделились семеро изрядно распалённых хулиганов и двинулись на нового врага. Русские встали во весь рост. В лицо передовому нападавшему ударила ребристым бортом литровая кружка из толстого стекла.

– Да твою же мать!.. – именно этот боевой клич на другом конце piazza Navona услышал бывший курсант военного училища.

Раз пошла такая пьянка... Под ногами хрустело битое стекло. Корчась, на римской брусчатке уже валялся человек с вывернутым плечом. Выломав из лёгкого ограждения кафе пару коротких столбиков, белобрысый парень в тельняшке без одного рукава привязал их к трофейному шарфу с обоих концов и завертел над головой страшное оружие рукопашного боя. Гости с британских островов на мгновение отступили, но силы были, очевидно, не равны. На остатки покалеченного итальянского отряда было жалко смотреть, но они изо всех сил старались продолжать сопротивление. Второй русский, кого товарищи называли «док», сунул обливающимся кровью итальянцу пачку салфеток и тоже взялся за подручное оружие. Его удары были опасны и точны: основание черепа, селезёнка, связки коленного сустава. Третий бился просто, без затей... Кулак размером с голову спасённого римлянина поднимался и опускался. Но и самим втяжам изрядно досталось: древки от фанатских флагов и выбитый нож стоили им и синяков, и глубоких порезов. Ну, где же, мать их, итальянская полиция?.. Драка стала приобретать иное качество: усталость заставила бойцов привыкнуть к мысли, что шутки кончились, и это настоящее боестолкновение. Без рефери и пощады. И вдруг десантники услышали разбойничий соловьиный посвист:

– Держись, ребята!.. Поджарим их! Шаг назад...

– Вот блин... – процедила шерп – д'Артаньян московского разлива.

Кто бы мог подумать... Кто-то ворвался в самую гущу свалки, сбил на мостовую высокий масляный обогреватель, какие ставят в уличных кафе в холодное время года. Здоровенный металлический конус рухнул под ноги британским головорезам. Полыхнуло пламя, сразу несколько человек с воем откатились назад, рыжий огонь с синим гребнем на несколько мгновений дал обороняющимся возможность перевести дух. А рядом с ними встал ещё один боец. Дорогие часы на запястье, дизайнерская рубашка. Но точно – свой. И потеха закипела снова. Остатки римского легиона, взяв место боя в кольцо, блокировали и скручивали, чем попало, противников, вывалившихся из его пекла. У нескольких англичан были сломаны запястья, у одного выбит глаз. «Ручной работой», ломая правые кисти, мастерски занимался хирург. Двое его товарищей стояли стеной, отбивая превосходящие силы. Зато русский, появившийся последним, тут же получил у них прозвище «артист». Боевое самбо выпускника военного училища не только работало, но и смотрелось. Один из его противников уже захлёбывался в фонтане, несколько других тщетно пытались подняться с земли. Вой полицейской сирены раздался в тот самый момент, когда результат битвы был уже очевиден. Четверо против двадцати. В нашу пользу. Такого Рим, наверное, не помнил... Но в азарте сра-

жения появление с восточной стороны palazzo Madama синих проблесковых маячков на машинах блюстителей порядка и законности никто толком не заметил. Стоя лицом к лицу с английским боксёром, заметно и опасно умелым по сравнению с прочими, четвёртый русский в перепачканной кровью рубашке тоже не заметил, как сзади ему в спину целят древком флага... Обычной палкой. С заострённым концом.

Фанат с флагом привстал на коленях, сбитый с ног тем же бойцом пару минут назад, занёс руки для удара. И вдруг с хрипящим воплем повалился на бок. Боксёр, не ожидавший от противника сокрушительного удара в прыжке, упал навзничь со сломанной грудиной... Но кто был сзади и защитил «артисту» спину? Десантники вон они, все трое, плюются, отряхиваются, потирают ушибы. Заметили, наконец, что победили, и пора бы когти рвать.

Сергей с изумлением увидел, как дюжий британец с выпученными от невыносимой боли глазами согнулся пополам, держась за правую часть живота. Удар в печень.

И маленькая женщина стоит над поверженным людоедом. Он не верил своим глазам. И словно обожгло... Так было. Да, он уже такое видел.

– Ты?.. – на его возглас она подняла глаза.

Подошёл док. Посмотрел на пострадавшего и на хрупкую отважную блондинку в бейсболке. Пожал руку незнакомому соотечественнику, с нескрываемым уважением кивнул его подруге и показал большой палец.

– Маш, а ты где так драться научилась? – облизнув разбитую губу, спросил Сергей, поймав себя на мысли, что это новое в хорошенькой женщине подарило ему радость. Да что радость, гордость за неё! – В пивную печень пяткой врезала... Ого!.. Этот скот и не встанет теперь...

– Трудное детство, – огрызнулась она. – Тебе его жалко, что ли? Валить надо, пока нас не загребли тут. Скорее, вон туда, в проулок... Там такси.

Десантники переглянулись, но её уверенный командный тон сработал – прихрамывая, пошли за новым товарищем, куда указала его спутница. А она, сложив руки рупором, повернулась к итальянцам и прокричала:

– *Amici, trattenete la polizia! Lasciate andare il russo...*²⁴ *Per favore!* Боевое братство – дело святое. Со всей горячностью, на какую остались силы после потасовки, со сломанными рёбрами и отбитыми внутренностями, римляне бросились выполнять долг чести: предъявлять карабинерам травмы, рассказывать о вероломном нападении и всячески тормозить осмотр места происшествия, пока четверо их спасителей ни скрылись в тени древних стен.

На крошечной площади *Pasquino* с незапамятных времён жители Рима приобщались к изначальной публицистике: к античному торсу ремесленник по имени Паскуале лепил бумажки со стихами на тему актуальной политики. Власти срывали его сердитые обличения, зато сам жанр обес-

²⁴ Друзья, задержите полицию! Дайте русским уйти. Пожалуйста! (итал.).

смертил имя автора: с тех пор кляузные сочинения принято называть пасквилями. Белый торс в нише стены стоит и по сей день: выщербленные бока, не разобрать черт лица. Но лучшие представители журналистской братии со всей Европы не минуют этого сакрального для себя места. В этот осенний вечер на белом торсе отражались блики мигающего аварийной сигнализацией автомобиля такси. Обогнав прихрамывающих усталых мужчин, шерп подскочила к окну водителя, просунула ему купюру в десять евро, что-то быстро проговорила. Возбуждённо выкрикнув «О, sì»²⁵, тот выскочил из машины и открыл двери.

– Садитесь, ребята!.. На старт деньги я ему дала, доплатите потом.

– То есть как это, садитесь? Давай ты, подруга... Леди, лезь назад, то есть входи первая! – наперебой загалдели витязи в тельняшках.

– Слушайте меня, пожалуйста, – она положила ладошку на плечо одного из них, заговорила мягче, – мы впятером в машину не влезем. С ними шутки плохи, с карабинерами. Виноваты англичане, а свалят на русских. Политика. В таком виде по городу ходить – вычислят моментально. По тельняшкам.

– А вы как же? – настаивал тот, кто сделал нунчаки²⁶ из

²⁵ О, да! (итал.).

²⁶ Нунчаки – японское холодное оружие ближнего боя, ударно-раздробляющее и удушающего действия. Представляет собой две короткие палки, соединён-

столбов ограды.

– Уйдём огородами, – улыбнулась она, – честное пионерское. Город мне знаком. Фонари под глазами вам ваши женщины замажут. В гостинице.

Трое богатырей пожали руку новому знакомому. Хлопать друг друга по плечу в этот раз было болезненно, но лица с синеватыми кровоподтёками осветили улыбки победителей. Отказать героям дня в том, чтобы снять их всех четверых в обнимку на фоне античного торса было невозможно. В тот момент, когда шерп, сдерживая смех, отдавала чудом не пострадавший смартфон лесорубу из славного города Кирова, тот удивлённо присвистнул:

– Это самое, извини, друг... Ты это! Лицо знакомое. Режиссёр! Да?

– Да, – сдался он. – Чего уж теперь. Сергей Беспалов.

– Ну, брат!.. Спасибо тебе. Такой фильм снял классный. А ты свой мужик, оказывается. И здесь этим козлам круто накостылял. Уважаю.

Приветственно помахав синьорине, таксист, очевидно, уже в красках проинформированный о международном мордобое у фонтана от коллег-извозчиков и из социальных сетей, резко взял с места. По круговому движению по крошечной площади имени справедливого ремесленника прочь из центра города. Теперь священный долг его, римлянина, помочь скрыться от неприятностей этим добрым смелым лю-

дям из далёкой страны медведей.

– Видал? – произнесла шерп, когда такси умчалось, – это твой зритель.

– Да я уж понял. А мы как, ты обещала, огородами к Котовскому?

– Переулками. Чай, не по лесу и горам в ночи, – глухо отозвалась она.

Со стороны площади трёх фонтанов слышались сирены медицинской помощи и завывание полицейской сигнализации. В этот поздний уже час в незаметную дверцу на улочке Santa Maria dell'Anima кто-то тихо постучал. Через мгновение в решетчатом окошке показался чей-то глаз, луч фонаря осветил посетителя, и тут же старинные створки со скрипом отворились. Пропуская гостей, молодой официант широко улыбался и кланялся.

– Bravo, signori... – возле него появился седовласый хозяин кафе, от полноты чувств говоривший без умолку, приглашая проследовать внутрь.

– Теперь ты для них – живая легенда. Бравый полузащитник, это как минимум, – сдерживая смех и что-то поддакивая радушному синьору, шерп для пущей уверенности подтолкнула своего подопечного. – Не стесняйся!

– Все уже всё знают? – морщась от боли, спросил он, пока явившийся невесть откуда пухлый человечек в белом халате, ласково улыбаясь и, тоже без умолка болтая, зашивал ему бровь хирургической иглой.

– Это Италия. Здесь все всё всегда про всех узнают и передают по эстафете до того, как успеют обдумать, что произошло, те, кому положено следить за порядком. Ты защищал простых итальянцев. И они это оценили.

Умытый, причёсанный, в новой рубашке известной марки. Её с искренней настойчивой радостью натянула на него супруга хозяина. Чуть ли не силком усадила за снова накрытый всё тот же стол на площади Навона. Он опять крутил в пальцах бокал красного вина. На этот раз – домашнего.

– Вечер снова становится томным? То такси в арке ты вызвала, да?

– Да, шеф! – усмехнулась удивительная женщина. – Ведь трудно было спрогнозировать всё до конца. Значимый фактор – то, что ты решил оставить на стуле, в безопасности, пиджак... Было ясно, что лучше подстраховаться.

– И полицию – тоже ты вызвала? Кстати, я тебя так и не поблагодарил. Ну, за то, как ты вырубил этого, с флагом. Спасибо тебе, спасительница.

– Не за что пока, – в её глазах появилась ирония. – Ладно, пошли. Вечер волшебный... Вечер полнолуния. Пройдёмся до отеля пешком через Тибр. Тут рукой подать. Дыши полной грудью. Тебе пригодится знать дорогу. Тут просто: вода ближе от того места, где правит бог морей. Фонтан Нептуна. От него по правому переулку, а дальше – на десять часов по Солдатской улице прямо на набережную... Запоминай, суровый вояка! Идём, скоро откроется второе дыхание... А я

покажу тебе сумеречный Рим, мир Николая Гоголя.

Глава 4

Ветошь, плывущая в речных волнах

Рим... Ри-им... Рим. Ри-им... Ни в каком другом языке мира, даже в итальянском нет эха, которое дарит нам произнесение этого слова на родной речи. Только в русской фонетике имени вечного города слышится звяканье металлических панцирей легионов во время дневного перехода. Зелёные, как бархатные аппликации, кусочки мха между чёрных камней мостовой. Помни о доме, путешественник... Такие же вставки непобедимой жизни в каменную историю есть и на Красной Площади в давно знакомой и исхоженной нами Москве. Рим. Рим! Спит древний мавзолей императора Адриана, оранжевый в лучах рассвета, серовато-бурый, как оперение утки – сиянии полуденного жара. Тёмный, мрачный и неприступный над водами спящей реки... Яркая, с коралловым оттенком, подсветка драгоценной короной сияет над скуластой тяжёлой головой античного здания. Если отпустить на волю фантазию, там, на отрубленной голове падшей империи, можно разглядеть и слепленные вечным сном веки, и насупленные брови балкона в шрамах разветвлённых фресок, и тяжёлую челюсть старого воина... Мистика вечного города, без всякой милости к попавшим во власть её чар,

замыкала в кольцо объятия. И приговаривала пешеходов к плену пожизненной влюблённости в свою тишь, недвижимое спокойствие бесконечного времени, уходящего во тьму под тем из мостов Тибра, который охраняют мраморные ангелы. Рим, Рим... В тебе одном из всех мировых столиц в русском звучании имени заключена тайна: ты – зеркальное отражение целого мира или покоя, миру подаренного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.